

Министерство сельского хозяйства Российской Федерации
Федеральное агентство по рыболовству
Государственный научный центр Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Всероссийский научно-исследовательский институт
рыбного хозяйства и океанографии»

Сахалинский филиал («СахНИРО»)

**Е.вгений В.алерьевич
Фролов**

**25 лет
в «СахНИРО»**

Южно-Сахалинск'2025

УДК 001.89+82-94
ББК 72.5+84стд1-442.3
Ф 911

Ф 911 Фролов Е. В. 25 лет в «СахНИРО». – Южно-Сахалинск : «СахНИРО», 2025. – 128 с. – ISBN 978-5-902516-31-6.

Книга представляет собой сборник зарисовок из жизни ихтиопаразитолога, работающего в старейшем (более чем с 90-летней историей) институте Дальнего Востока – «СахНИРО» (Сахалинский филиал ГНЦ РФ ФГБНУ «Все-российский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии»).

В большей степени в юмористической манере автор рассказывает о полевых экспедициях, научных публикациях, бюрократических перипетиях и забавных ситуациях, связанных с работой в институте.

Короткие зарисовки показывают взгляд автора-ученого (порой с самоиронией) на то, что за сухими терминами и отчетами скрываются живые люди, комичные ситуации и стремление к постоянному самообразованию.

© Фролов Е. В., 2025
© Сахалинский филиал ГНЦ РФ ФГБНУ «ВНИРО»
(«СахНИРО»), 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ	4
ЭКСПЕДИЦИЯ 1999	5
В ЛАБОРАНТСКОЙ ТИХОНОВОЙ ЛЮДМИЛЫ ВЛАДИМИРОВНЫ	12
СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ САФРОНОВА СЕРГЕЯ НИКИТИЧА ПОСВЯЩАЕТСЯ	13
НАВАЖЬЯ ПУТИНА	16
КОНФЕРЕНЦИИ	20
ОЗЕРО НЕВСКОЕ, 2007 ГОД	25
АСПИРАНТУРА В «ТИНРО»	28
ПРЕПОД...	39
ВЫБОР ПРОФЕССИИ...	40
ЭКСПЕДИЦИЯ 2009 ГОДА, ИЛИ ОПЕРАЦИЯ «ВЕПРЬ»	42
РЕКА ОСТРОВКА, 2018 ГОД, НАЧАЛЬНИК БАЗОВОГО ЛАГЕРЯ Ф.	44
РЕКА ДОЛИНКА, 2019 ГОД, ИЛИ ЗА НЕОБЫЧНЫМИ ПАРАЗИТАМИ	55
ВЫХОД В МОРЕ	57
ОЗЕРО СЛАДКОЕ, 2020 ГОД	58
ОЗЕРО АЙНСКОЕ, 2021 ГОД	64
РЕКА ГОРНАЯ, 2022 ГОД	68
МЫС ПОГИБИ, 2022 ГОД	70
РЕКА ОНЕНУСИ, 2023 ГОД	74
ОЗЕРО БОЛОНЬ, 2023 ГОД	83
РЕКА АБРАМОВКА, 2024 ГОД	94
ВОЛОНТЕРУ «СахНИРО»	95
РАЗНОЕ	98
ПРИЕМ ИНОСТРАНЦЕВ, БАНЯ...	100
ГЛАВНЫЙ РЫБАК	102
ТЕХОСМОТР, КАЗАЛОСЬ БЫ...	104
БИБЛИОТЕКА	109
ВНИМАНИЕ! ИЛИ С 23 ФЕВРАЛЯ	110
ОТЧЕТНЫЕ СЕССИИ «СахНИРО»	112
ЗАРПЛАТА	116
МАТЕМАТИКАМ ПОСВЯЩАЕТСЯ	117
АКВАРИУМАЛЬНАЯ	119
ИСТОРИЯ НЕОБЫЧНОЙ ПУБЛИКАЦИИ	121
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	123

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

*Я не имею специального писательского образования,
и зарисовки мои – всего лишь о том, как пролетели 25 лет
в «СахНИРО». Эти опусы подвергались как суровой критике,
так и очень лестным высказываниям. НО...
«Я художник, я так вижу»/Паоло Веронезе*

Не знакомому со спецификой полевых работ может показаться, что в эпизодах красной нитью идут негатив и проблемы. Тут тебе воровство, тут бракоши, тут силовики, тут шторм, накат, погода, бутылкой по голове, самоубийственные приказы, непрерывный личный вклад, мокрая одежда и «сборно-щитовые» товарищи. Хотя я понимаю, что есть множество и светлых, и добрых моментов, которые почему-то гораздо труднее описывать. Но послевкусие такое, что автор встречал только негатив. Дашь иронию и доброту ☺ (Илья Борисович)/*После прочтения полевых заметок в книге «Подарите нам море»**.

Да, получилось прямо преодоление трудностей какое-то, на грани с геройством. Сам я так ни в коей мере не считаю, это была просто работа. С другой стороны, стремление к чему-либо – всегда есть преодоление трудностей (даже для того чтобы съесть картошку, ее нужно сначала сварить). Описать работу с улыбкой смог бы, наверное, только мой друг Андрей Данилов. Он на любую трудность улыбается. Но это была бы одна фраза – «прикольно». Хотя в полях он честно сказал, что море ему предпочтительнее, – снимается ряд бытовых вопросов.

* Фролов Е. В. Полевые заметки // Подарите нам море... К 90-летию «СахНИРО». – Владивосток : Дальнаука, 2022. – С. 160–179.

ЭКСПЕДИЦИЯ'1999

Начало

Каждый раз собираясь в определенной компании, мы в 100 500-й раз вспоминаем эту экспедицию. Но описать ее все никак не получалось. Хотелось без занудства, но и не в одном абзаце. Нужен был порыв, настрой. Да и времени прошло много, но, может быть, память проснется, потому как рассказать-то есть что.

Вообще экспедиции очень быстро расставляют все по своим местам, там сложно прикидываться (есть, конечно, люди, которые прошли огонь и воду, но делают вид, что не понимают, и это грустно). Через пару-тройку дней ты становишься самим собой, обнажается сущность человека. Если в тебе очень много хитрости, то ты будешь убегать в туалет во время погрузочно-разгрузочных работ, например. Но это быстро заметят, и со временем тот, о ком речь, перестанет так делать. Самое главное правило – не стоять без дела. Если отдых, то он у всех, а если один таскает воду, другой рубит дрова, а ты стоишь без дела – сие неправильно. Поэтому слаженные, спаянные коллективы полевиков особо ценны. Такие коллективы не нуждаются в начальниках экспедиций, но это все приходит потом, со временем.

Итак... Студент третьего курса попадает в свою первую экспедицию, и сразу – на пару месяцев. Неизвестность, но причастность будоражили кровь. Я постараюсь описать эту экспедицию короткими и, надеюсь, интересными рассказами, но перед тем как начать, необходимо дать некоторые вводные.

Мальчиков и девочек было поровну – это важная деталь! Студента можно описать ихтиологической шуткой: «самец – пять, желудок – ноль». В этой экспедиции сформировались две семьи, которые и сейчас успешно трудятся в «СахНИРО»: Андрей–Елена и Денис–Наталья. Жит и быт – это: дрова, вода (иногда с неба), душ в реке, еда на костре. Романтика, будь она неладна!

Эпизод номер ноль. Снаряга

Экспедиция моя была первой, а одежда для посещения пар в институте не совсем подходит для работы в лесу. То есть первое, с чем я столкнулся, это с отсутствием подобающей снаряги. И если с верхней одеждой можно было что-то придумать, то спать мне было абсолютно не в чем. В этой связи я подошел к начальнику экспедиции Сергею Никитичу Сафронову, он выдал мне небольшой аванс, и я сделал свою первую важную покупку. Это был тонкий дешевый китайский спальник. Я тогда даже не догадывался, сколь важна эта часть экипировки и как правильно

ее выбрать. Спальник был камуфляжного цвета, вероятно, по моим тогдашним рассуждениям, это добавляло к его характеристикам +10 градусов тепла. В моем арсенале был ватник, ОЗК, шерстяные носки, шапка на собачьем пуху, которая, как оказалось, отлично держит дождь. Эта шапка потом станет символом многих экспедиций. На тот момент мне представлялось, что я отлично экипирован. Был бодр, весел и готов к подвигам.

Эпизод номер один. День рождения автора

Сергей Никитич был не только хорошим ученым, организатором, он был еще отличным полевиком. Именно благодаря ему познано чрезвычайно много важного и полезного о полевых работах. Были у него и свои правила. Одно из них – это выходной в день рождения. Непередаваемое ощущение, когда лагерь гудит своей привычной жизнью, а ты на законных основаниях делаешь НИЧЕГО. Тебя не касается подъем, ты можешь попросить повара приготовить то, что тебе хочется. А вечером тебя ждет праздничный стол.

День рождения автора 27.08.1999 г. Река Эвай. Слева направо: первый ряд – Заварзин Денис, Фролов Евгений, Сухонос Павел, Марченко Владимир; второй ряд – Данилов Андрей, Валильщикова Ирина, Герасимова Татьяна, Китаева Жанна, Ни (Заварзина) Наталья; третий ряд – Ткачева Оксана, Думанский Константин, Селина Мария, Звездов Тимофей. Отдельно справа – Скопец Михаил Борисович

Но запомнился этот день не только выходным. После праздничного стола у нас были танцы. Для того чтобы передать атмосферу, нужно рассказать о том, что происходило все на реке Эвай. Сама река ни в чем не виновата, просто сколько мы там стояли лагерем – шел дождь... Это была самая мокрая стоянка. Потому картина танцев выглядела довольно комично. Под ногами на каблуках болотных сапог – смесь глины с песком, а сверху льет дождь. Форма одежды – кто в чем: кто в ОЗК, кто в плащах, кто в дождевиках. Но зато танцы.

Значительно позднее Олеся Ш. скажет:

– Ну ладно, мальчишки, но девчонки – все без макияжей и причесок, вот как там мог кто-то кому-то понравиться?!

А ведь понравились... В свободное время Андрей ухаживал за Леной. Каждое утро ее ждал цветок, причем все время разный. Так что пары стали образовываться довольно быстро. Андрей перебрался в женскую палатку, где жили Олеся с Леной. О его присутствии там сообщала роба, которая «стиралась» дождем прямо на земле перед палаткой. Андрей каждое утро выжимал ее и как ни в чем не бывало надевал. Впрочем, вода была везде, особенно в палатке, где жили мы с Павлом. Это дешевая палатка а-ля «смерть туриста», на которую накрутили полиэтилен, но он мало помогал. Вода окончательно убедила меня в том, что нужно что-то менять. Так, с подачи Андрея, разрешения Олеси и Лены я перебрался в теплую уютную брезентовую палатку. Практически всю экспедицию я провел в обществе Лены, Олеси и Андрея в одной палатке. Павел еще непродолжительное время боролся за живучесть палатки, а на следующей стоянке переселился в другую.

Эпизод номер два. «Пожар»

Все было в общем-то неплохо, я уже привык к тому, что влюбленные по ночам не спят, и делал вид, что спал. Чуть позже мы с Олесей стали выходить погулять перед сном. Олеся мне не просто нравилась – налицо были все признаки влюбленности, к моему огорчению – не взаимные. Так что мы просто гуляли и разговаривали о какой-то ерунде. То есть в общем-то ужились нормально с влюбленными Леной и Андреем. Но однажды, когда я реально уснул, они в силу каких-то непонятных даже им самим причин решили на меня поставить свечку. Это сейчас хорошо – фонарики на любой вкус и цвет, а тогда у нас были свечки. То есть опять элемент моей неготовности подготовки к экспедиции. Девчата хотя бы свечки с собой взяли. Во сне я пошевелился, и произошел «пожар» в женской бане. Ничего серьезного, но прожженная на спальнике отметина на память осталась. И спальник у меня получился с пикантной историей. Зато всем было ну очень весело.

Эпизод номер три. Я все прощу – ты только скажи, сколько вас было?

Произошла эта история примерно в десяти километрах от поселка Смирных. Руководством было принято решение, что одна группа отрабатывает какой-то ручей. В мобильную группу вошли все мужчины и Лена с Олесей. Уехала эта группа с одной ночевкой, и я остался один в лагере с другой группой. Картина «Восемь девок, один я». Девчата сели делать биологический анализ рыбы, а меня отправили спать, но с тем расчетом, что когда они закончат работу, я с кем-нибудь из них прогуляюсь до Смирных за вином (захотелось им вина). В награду я получу пару пачек «беломора». Ну что, 10 километров тудой, 10 километров сюдой = 4 часа – приемлемо, подумалось мне. Уже не вспомню, с кем мы гуляли эти четыре часа, но все купили и вернулись обратно без приключений, хотя Смирных в те времена был не лучшим местом для прогулок. *Грубейшее, конечно, нарушение – оставить лагерь...*

Но самое интригующее событие случилось ночью. Дело в том, что ночевал я в палатке Сергея Никитича. Все по инструкции – занес все ценное внутрь. Топоры положил под подушку под палатку. В этой же палатке и разместился «цветник» страждущих вина. Сидели мы, к слову, на надувном шикарном матрасе. На этом самом матрасе спал сам начальник экспедиции – Сергей Никитич Сафронов. Посиделки наши прошли быстро и невесело. Я скучал по Олесе. Девчата разошлись в свои палатки, оставив меня в гордом одиночестве на шикарном двуспальном надувном матрасе. Тогда это был предел мечтаний. Но ночью я проснулся от дикого холода. Этот замечательный, великолепный, шикарный матрас просто сдулся – зараза! Ночь я досыпал в полудреме на каких-то своих шмотках с ужасными мыслями, что теперь делать. Во-первых, я испортил чужую вещь. Во-вторых, на чем теперь Никитич будет спать. А со студентами Сафронов был суров. Самая главная угроза в той экспедиции была такой:

– Домой отправлю!!!

Итак, меня ждало наказание, но какое?

Вернувшийся руководитель отмахнулся на мой вопрос о том, кому принадлежит этот злосчастный матрас.

– А это Лукича имущество, не мое.

Потом хитро улыбнулся, отвел меня в сторонку и сказал:

– Фролов, я тебе матрас прощаю, скажи честно, сколько вас на нем спало?

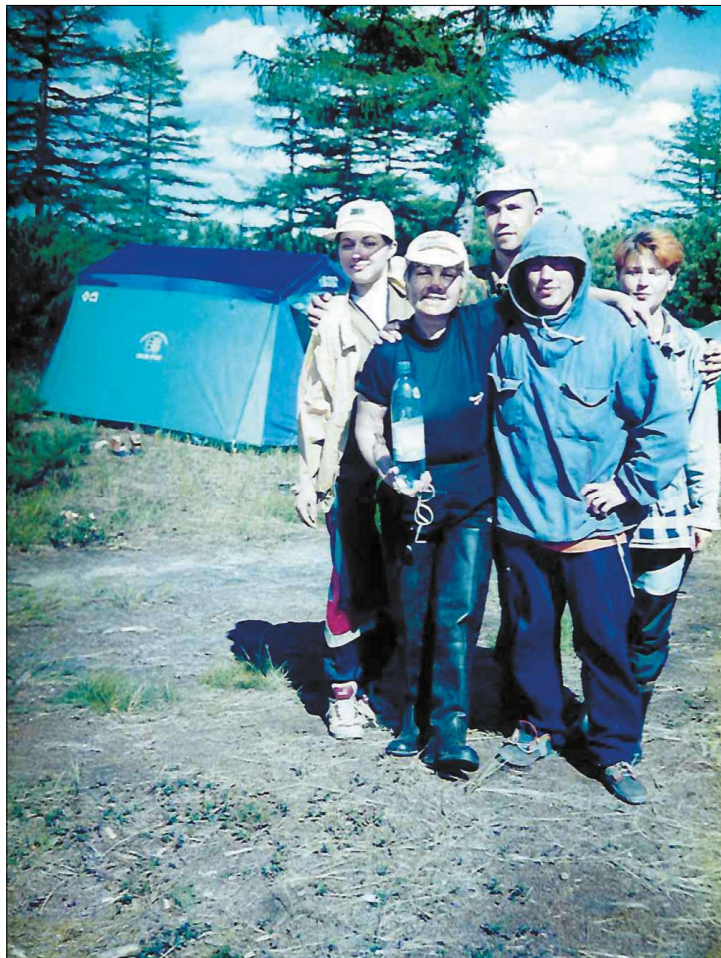
– Один я был, Сергей Никитич.

– Фролов, во мне веса в два раза больше, чем в тебе.

– Да, один я был.

– Ну-ну...

Всю оставшуюся экспедицию я слышал этот вопрос. Матрас, к сожалению, не сохранился, а вот легендарная палатка Сергея Никитича в кадр попала.

Слева направо: впереди – Пешеходько Валентина Михайловна, Андрей Данилов; позади – Олеся Шульга, Евгений Фролов, Елена Шенфельд (Данилова). Слева на фоне – палатка Сергея Никитича

Эпизод номер четыре. Такая вкусная черемуха

Этот незначительный, я бы сказал, случайный эпизод произошел в долине реки Тымь. Дело в том, что в полях очень хочется сладкого. А вокруг базового лагеря в невероятных количествах была созревшая черемуха. Съели все, до чего дотянулись, это было очень вкусно! Но наутро, уж не знаю, виноваты ли ягоды, но крик «занято» раздавался из-под любого ближайшего куста.

Эпизод номер пять. Умылся...

Поведение в лагере – вещь очень важная. Уже потом, много лет спустя стало обычным делом подойти к начальнику экспедиции и обозначить свои намерения о направлении и времени прогулки – как раз именно потому, что «мальчик-то взрослый». А на третьем курсе до понимания, зачем это нужно делать, еще ох как далеко. Подумаешь, погулял, отлучился. А когда тридцать человек, и мальчики вечно гуляют с девочками? Я вообще удивляюсь, как заметили, что человек пропал. Вечер, темно, в лагере звучит вопрос: а ты видел К.? И получается так, что никто его не видел, и в палатке его нет, и у костра он не сидит, и даже его девушка О. не в курсе, куда он мог подеваться. И нужно докладывать Сергею Никитичу.

– Так, организуем поиски, встаем цепью, как при охоте на волков.

Не знаю, как остальные студенты, но мне до сих пор не довелось охотиться на волков, а уж тогда-то я вообще слабо представлял такие нюансы. Но идти на «охоту» нам не пришлось. Виновник этого переполоха появился сам. Как оказалось, он пошел умываться и заблудился. Если память мне не изменяет, он сделал огромный крюк вокруг лагеря и предстал перед нами в довольно неприглядном виде – мокрый и грязный.

Участники экспедиции 1999 года

Эпизод номер шесть. Возвращение домой

Все экспедиции когда-нибудь заканчиваются, и юг острова мы «доделывали» небольшой группой из девяти человек. Все уже очень устали, и иногда возникала эмоциональная напряженность – сейчас вот вспомнил, но об этом писать не хочется. Долой негатив! Я лишь постараюсь передать свои эмоции в день возвращения, а возвращаться домой всегда очень приятно – особенно самолетом, когда ты еще несколько часов назад был в другом часовом поясе. Мы возвращались на машине – тоже неплохо. Есть такой момент, что сейчас ты, скажем, еще в Поронайске, но уже сегодня ты точно будешь в Южно-Сахалинске.

Это был теплый солнечный вечер! Я вывалился из вахтовки в ватнике с бородой до пояса и вещмешком за спиной. Было какое-то безумное счастье, меня радовало абсолютно все. Предложили подбросить до дома, но я отказался – очень хотелось пройти пешком. В памяти осталось какое-то дикое количество красивых девушек и женщин вокруг. Моя одежда и внешний вид вызывали у окружающих непонимание. Да и кто мог знать, что мы два месяца пробыли почти в тайге, без телефонов, телевизоров и ванны.

Осознание того, что родители дома и, конечно, ждут меня, но не знают точной даты моего приезда, заставляло сердце бешено колотиться. Это был какой-то миг победы над собой. Я побывал в экспедиции – в настоящей! И теперь меня ждало окультуривание благами цивилизации...

Текст опубликован с разрешения Андрея и Елены.

В ЛАБОРАНТСКОЙ ТИХОНОВОЙ ЛЮДМИЛЫ ВЛАДИМИРОВНЫ

Людмила Владимировна – руководитель дипломной работы, которая и определила мою дальнейшую судьбу на научном поприще. Будучи кандидатом медицинских наук она одна из первых на Дальнем Востоке реализовала эксперимент по самозаражению (!). Это привело в неописуемый восторг. Собственно, в каком-то смысле с ее подачи я и попал в описанную выше экспедицию. Вернувшись из поездки, я привез с собой первый паразитологический материал, в том числе огромное количество чешуи карповых. В той чешуе я надеялся найти метацеркарии. Вот тогда я получил свободный доступ в ее лаборантскую и ключ. Мне доверили кабинет и микроскоп! Это было здорово!

И пусть я еще не ученый, но в моем распоряжении уже были помещение и оборудование. Я просмотрел огромное количество препаратов, но так ничего и не нашел. Недоумевая искал описторхисов – тогда я просто не знал, что вероятность их находки на Сахалине ничтожно мала.

Как оказалось, вечернее время в СахГУ проводил не я один, на этом же этаже была лаборатория Сергея Никитича Сафронова, в которой вечерами тоже работали студенты. Вот так мы случайно и встретились. Но если у меня был только микроскоп биологический дорожный Д-11 ЛОМО, то у ребят в этой самой лаборатории уже был Olympus BH2. Естественно, я стал заходить и к ним в гости.

*2000 год. Слева направо:
Евгений Фролов,
Ирина Валильщикова,
Денис Заварзин*

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ САФРОНОВА СЕРГЕЯ НИКИТИЧА ПОСВЯЩАЕТСЯ...

На разных этапах жизненного пути мы порой даже и не задумываемся, какая роль отведена тому или иному человеку в нашей судьбе.

Сейчас быстренько все сделаем и домой поедем

Знакомство в формате «студент – декан факультета» произошло на картошке. После полноценного построения и постановки задач я был назначен старшим (правда, уже через минуту С. Н. изменил свое решение). Тогда я мог судить о С. Н. только по рассказам старших студентов. Первый год я честно отработал на картошке «кротом», а второй год – уже в элитной касте «грузчики». Ковыряться в земле и набивать мешки картошкой, как по мне, так куда сложнее, чем валяться на тех же мешках в прицепе, ожидая, пока «кроты» наполнят мешки. А потом грузчики поднимали свои пятые точки и закидывали мешки с картошкой (три грузчика – и мешок просто залетал в кузов, оказалось, что работа еще и легкая). А утреннее построение было каждый день, и в заключение очень часто была фраза С. Н.: «Сейчас быстренько все сделаем и домой поедем». И вначале она работала. Мы наивно полагали, что если мы все сделаем быстрее, то уедем домой пораньше. Но за всю историю «картошки» никто никуда пораньше так и не уехал.

Я отменяю выезд

Второй раз я «отличился» в глазах С. Н. по полной программе. Дело в том, что полноценную практику в институте проходили разве что у С. Н. по ихтиологии. Остальные учились по картинкам, а поскольку курсовую на втором курсе я писал по ботанике, решил я благодаря папиным возможностям организовать выезд на болото, чтобы там вживую углядеть всякую растительность. И вот рано утром к институту подкатывает «КамАЗ», оборудованный для перевозки людей. Тут откуда ни возьмись появляется С. Н. Он довольно эмоционально интересуется, что тут вообще происходит без его собственно участия. Кто зачинщик этого безобразия, и главное, почему это все для каких-то ботаников, а не для ихтиологов, как это должно быть.

– Так, хватит разглагольствовать! Все, я отменяю выезд! (С. Н.)

Затем около часа в кабинете декана общались преподаватель ботаники, водитель и С. Н. Выезд в итоге состоялся, но эмоций у всех было через край.

Занимайся ты лучше своими паразитами

С ботаникой у меня не сложилось, и я ушел к другому преподавателю изучать паразитических червей. В 1999 году я попал в довольно эпичную экспедицию. Узнав, что С. Н. нужен трофолог, улучил удобный момент у костра и завел этот разговор. На что получил ответ:

– Да, Женя, трофолог мне нужен, но занимайся ты лучше своими червяками, все у тебя получится.

Так или иначе, в ту экспедицию я собрал свой первый и «кривой» материал по паразитам рыб. Естественно по самоучителю (Е. Н. Быховская-Павловская). Даже мазки крови делал.

Далее выбор моей будущей профессии был определен Л. В. Тихоновой, которая и «сосватала» меня в «СахНИРО», чтобы мне помогли определить собранный материал. Ходил я в контору потому, что было очень интересно. Сколько месяцев – уже и не вспомню. На четвертом курсе предложили мне работу в должности лаборанта, и я совсем перестал учиться, в свободное время пропадая на той самой интересной работе.

Ну, Фролов, при всем к тебе уважении...

Итак, я в «СахНИРО»! Тут нужно сделать отступление и сказать, что в те времена работа в конторе была если не пределом мечтаний, то уж точно очень хорошим рабочим местом. Но работа работой, а диплома у меня еще нет, и вот – один из экзаменов у С. Н.: биогеография.

С. Н. не воспринимал всерьез студентов как потенциальных ученых. Тогда мне это было непонятно, чуть позже я повзрослел и все понял. Экзамен... Ответствует наша краснодипломница Люба. Она рассказывает билет, потом получает порцию дополнительных вопросов, потом дополнительные вопросы к дополнительным вопросам, потом вопросы по контурным картам. Длится все это более часа, и в итоге С. Н. ставит ей четверку, говоря, что это еще и с натяжкой (к слову, на красный диплом это не повлияло, и С. Н. об этом знал). Сажусь и я отвечать, понимая, что смысла нет никакого, особенно после того, что произошло.

– Сергей Никитич, я не готов, разрешите потом пересдать?

– А что там у тебя за билет? Нууу, дорогой ты мой, ты уже в «СахНИРО», вот в море тебя отправят, как ты будешь там работать?

Далее С. Н. сам отвечает на билет, заканчивая фразы словами «верно?». И мне остается только говорить слово «да».

– Ну, Фролов, при всем к тебе уважении выше четверки я тебе поставить не могу.

Выхожу, а за дверями стоит уже известная Люба.

– Жень, ну, как?

– Четверка.

– Молодец!
Стыдобища... Готов сквозь землю провалиться.

Так это мой ученик!

Институт я окончил и был переведен на полную ставку, а чуть позже даже прошел аттестацию с лаборанта на старшего лаборанта. И благодаря Г. П. Вяловой и В. И. Радченко стал знакомиться с отечественными паразитологами. С кем-то очно на конференциях, с кем-то заочно. И среди прочих знакомств имел я честь знать Владимира Дмитриевича Гуляева (В. Д.). И хотя он сам жил и творил в Новосибирске, его пригласили в СахГУ лектором, да еще и в комиссию. С Гуляевым мы, конечно, встречались, я показывал город, возил его к морю. Затем, когда я был в Новосибирске, был ответный жест. Показывал мне В. Д. и свою коллекцию цестод из каких-нибудь рыб Амазонки (!). Но дело не в этом. Будучи на Сахалине, он лестно отозвался обо мне при личной беседе с С. Н.

– Так это же мой ученик! – ответил С. Н.

Вот после той беседы В. Д. и попросил меня прокомментировать.

– Да, наверное, в какой-то степени так и есть, – сказал я.

Вот так я стал учеником Сергея Никитича Сафронова.

Но со студентами, особенно в полях, С. Н. особо не церемонился.

Стас!..

Можно вспоминать бесконечно, но закончить хочу довольно яркой выходкой С. Н. Небольшая экспедиция, ровно настолько небольшая, что все уже свои и строить никого не нужно. Акромя, пожалуй, одного студента, который был с нами. Он спал, спал всегда, все делал медленно, чем вывел С. Н. из себя очень быстро, и как-то утром студент пошел за инструментом для ихтиологического анализа. Ну, как пошел? Он неторопливо высунул нос из палатки, потом лицо, потом всю голову, изогнувшись в соответствующей позе... А сзади подошел С. Н. и с криком «Стас!..» с помощью увесистого пинка ускорил студента.

С. Н. Сафронов. 1999 год

НАВАЖЬЯ ПУТИНА

«Там такие паразиты! Тебе точно нужно ехать»

Случилась эта история в начале 2000-х годов – в ту пору, когда мой коллега и тогда уже, наверное, друг подумывал об уходе из конторы. Почему *уже, наверное*, да потому что устроились мы в институт в одно время и, естественно, притирались. Отлично помню, как даже ящик из-под рыбы мы отмывали пополам. Это сейчас не заморачиваешься и не смотришь ни на кого, задача после анализа – быстрее отмыть лабораторию, посуду, инструменты. А тогда было все поровну, хотя коллегу взяли старшим лаборантом, а меня лаборантом. Итак, на кону уход из конторы моего друга Сергея. По одной, но важной причине – деньги. С моей стороны было бы некрасиво расписывать все кульбиты коллеги, так что опущу это, пожалуй. Но сам факт его поиска работы в тот момент важен.

Почему я?

Ежегодно контора для сбора материала и подготовки прогноза вылова наваги отправляет наблюдателя на промысел. Но ехать туда в те времена никто не хотел по ряду причин. Это был конец декабря в «городе-герое» Поронайске со всеми вытекающими из этого последствиями. Во-первых, там холодно – нет, не так: там ХОЛОДНО. Во-вторых, конец декабря – это Новый год, а в двадцать лет он празднуется не так, как в сорок. И учитывая, что метель может запросто отменить все виды транспорта, сидеть в завьюженной гостинице ну совсем не интересно. И вот один завлаб решил, что в лаборатории болезней рыб много лаборантов, которые бездарно проводят время. Совершенно же очевидно, что его лаборанты с этой задачей справятся качественнее – не отправлять же их на промысел. Вот тогда и состоялся короткий диалог из эпиграфа. Разговор с чужим завлабом:

– Я не хочу ехать.

– Женя, там такие паразиты у наваги, тебе просто необходимо туда ехать.

– Не поеду.

– Кто-то от вас все равно поедет.

Собственно, только дошел я до кабинета, как следом за мной заходит Галина Петровна Вялова – мой непосредственный начальник. Тоже, кстати, завлаб. И говорит примерно следующее:

– Согласно повелению директора (это тот самый завлаб сходил наверх и сказал, что у него нет людей), от нас нужен один человек на наважью путину.

Коллега ответил сразу и безапелляционно.

– Я не поеду (что ему – напишет по собственному, и всего делов-то).

– Мне неважно, кто из вас поедет, бодайтесь сами, но один туда едет точно.

Сначала были эмоции. Ну, как так-то – у него хватает своих людей! Но что делать, указание с самого верха, а значит, что еду я. Вот почему я акцентировал внимание на поиске работы моего друга. Ну что ж, мне собраться = подпоясаться.

Через пару минут я зашел к завлабу и сказал, что еду. Вот тогда впервые в жизни услышал от Галины Петровны:

– Спасибо, Женя.

Сказано, правда, было с таким оттенком бессилия в тоне – дескать, я не могу ни на что повлиять, что для Галины Петровны было просто неприемлемым, уж она-то если не на все, то на очень многое могла влиять в те времена.

В общем, вручили меня девушке Яне из дружественной лаборатории в напарники, и полетели мы по зимней дороге на встречу с прекрасным. Машину вел фирмач. Привезли нас уже глубоким вечером в гостиницу. На вопрос куда селиться сказали, что койку могу выбрать любую, все равно гостиница пустая. Утром нас заберут на квартиру.

Гостиница... Да, не так я представлял себе это все. Ой, не так. Благо, всего одна ночь. Но какая.

– У нас прохладно, но я вам дам калорифер.

Даму селят в двухместный нУмер, и что там у нее, я не знаю. А вот я захожу в огромное помещение – шконяр (именно шконяр), наверное, человек на шесть-восемь. И первое, что привлекает мой взор, это снег на стене, примерно такой, как на стенках в холодильнике. То есть не иней, а прям вполне себе такой снег. Принесенный калорифер посреди огромной пустой комнаты не вызвал у меня ничего, кроме кривой улыбки, и я отдал его Яне. Ватные штаны, непосредственно ватник, шапка на собачьем пуху. Уже как-то вскользь упоминал о ней (бабушка подарила). Весь я такой из себя ватный и в шапке засунулся в дешевый спальник, и часам к трем ночи уже как-то не спалось. Наверное, выспался. Я усиленно думал, как можно согреться окромя бега по кругу в комнате.

Утром мытарства наши кончились, хотя, как я узнал от коллеги, она несильно замерзла, и нас забрали на квартиру.

Мы скоро выйдем в море

Жит-быт налажен. С фирмачом познакомилась – надо знакомиться с капитанами судов и рыбаками. Работа планируется близнецовым тралом, то есть два судна тащат одну сетку, если по-простому. После знакомства-общения с капитаном МРС-150 (малый рыболовной сейнер, проект 572) удивило многое. Разговор начался со слов: «Наука, вы чего

так рано-то? Рыбы еще нет, мы в море вообще не собирались». Рано??? Не собирались??? «картина маслом» (с). Маслом она потому, что если рыбаки в море не собрались, то никто ради наших трех хвостов наваги жечь топливо не станет.

Из того, что удивило еще, на судне – сухой закон, кэп в тапочках, чистота и порядок.

– Мы с вами сходим чуть позже, пропишем эхолотом, чтобы убедиться, что рыбы нет (какие-то контрольные выходы в море все же есть).

Спрашиваю про второй экипаж.

– Ааа, да эти в море точно не пойдут, – и машет рукой.

Я к фирмачу – веди, мол, на судно. Второй экипаж «работает» на МРС-80 (проект 389). Первое, что смутило, это внешний вид экипажа, спускаюсь вниз и зажимаю нос. Для передачи ощущений представьте себе пяток бомжей, закрытых в замкнутом пространстве, можно еще спиртом чутка побрызгать вместо парфюма. А на плите кипит что-то невообразимое – а-ля овощи в мундире, но источают они такое себе амбре...

– Где кэп?

– Отдыхает. (Время часов 12 дня.)

– Давно отдыхает?

– Давно.

– Выходить из режима «отдых» не планирует?

– Нет.

– Ясно.

После долгих сомнительной фонетики звуков выясняется, что что-то сломалось и починят через, скажем, три дня. А вообще они настоящие рыбаки, и вся рыба будет у них.

Первый выход в море был на МРС-150. Вышли, ничего интересного не нашли и вернулись. Я пошел докладывать в контору (очень уж хотелось все свернуть и быстрее оказаться дома, но нет – велели задержаться). Доклады были регулярными. Есть такая вещь, как разрешительный билет, который требует отчетности. Причем, звонить нужно было с почты, регулярные прогулки на морозе добавляли некий элемент приключения, хотя и сидеть в четырех стенах было не лучше. И вот проходит информация о том, что второе судно хочет выйти в море. Отлично! Прихожу на МРС-80, спускаюсь вниз и слышу грохот плюс отборный мат наверху.

– Что случилось?

Оказалось, что стрела сломалась, упала на палубу, и судя по тембру звуков, издаваемых человеком, кому-то на палубе это не понравилось. В море не идем. Да, промелькнули мысли в голове – с вами не то что в море выходить, рядом стоять опасно.

В общем, прокуковал я в Поронайске порядка двух недель, успев заметно деградировать в плане речевых оборотов. Беда таких поездок в том, что ты вынужден (порой даже неосознанно) подстраиваться под окружение – хочешь ты того или нет. Невозможно в компании моряков типа МРС-80 сказать: «Господа, не могли бы вы добавить в свои речевые обороты ненормативной лексики что-то новое, помыться, проветрить помещение и не готовить в моем присутствии свои деликатесы?». Точнее – сказать-то можно, а смысл?..

КОНФЕРЕНЦИИ

Благодаря В. И. Радченко...

Человеческой памяти свойственно сохранять все хорошее и забывать плохое. Есть расхожее мнение, что раньше и трава была зеленее, и люди умнее, и небо голубее. В «СахНИРО» тоже было такое время, был свой, как мне кажется, «золотой век». Была и «чума». Разное бывало, но этот опус хочется посвятить именно тому времени, когда, несмотря на лаборантские должности, была возможность ездить по городам в командировки и на конференции. Много городов в России посетил: Калининград, Мурманск, Москва, Питер, Новосибирск, Улан-Удэ, Кемерово, Иркутск, Владивосток, Хабаровск, даже на Камчатке и в Петрозаводске был, хотя и значительно позднее.

Любая конференция – это общение с коллегами, причем не во время докладов, а самая важная часть – это как раз неформальное общение. А еще доброй традицией была организация экскурсий от принимающей стороны. Вот только за одни экскурсии можно было ехать.

Мурманск

Первая настоящая (студенческие не в счет) конференция была в городе Мурманске. Очень интересное место, хотя организму было тяжело в плане ориентации во времени. Очень ранние сумерки. А вообще удивляло все. Вахта – нет, не вахта, пост охраны. Именно пост. Бравые ребята с АКМ в руках. Даже и не понял, почему так, но потом объяснили, что есть на территории закрытое учреждение, этакий домик сам в себе, и работают там люди в интересах державы. Были экскурсии, была конференция, но более всего поразило знакомство с коллегами-смежниками. Из Южно-Сахалинска в Мурманск – расстояние, однако.

И решил Андрей Борисович Карасев «погулять» нас по институту, время девять с копейками утра, получилось примерно следующее:

Открывается дверь в кабинет, начало разговора такое:

– Здравствуйте, Иван Иванович (Иван Иванович – это для примера, он будет меняться в отличие от остальных декораций). Это вот наши коллеги ребята с Сахалина приехали.

– С Сахалина, ух, ты!

Открывается сейф, достается коньяк и сушеные фрукты, ананасы вроде были. Ну, давайте за Сахалин, за науку!

Следующая дверь. Меняется только сидящий за столом. Точно такой же коньяк, точно такие же фрукты.

Третья дверь, четвертая – все то же самое.

У меня даже закралась мысль, что им там, в «ПИНРО» по штату положены коньяк и закуска – вместе с зарплатой выдают. И главное, одинаковой марки, чтобы никому обидно не было, наверное.

– Ну, вот, ребята, познакомились, теперь давайте к столу.

– Как к столу?

И попали мы на проводы всех коллег, и был стол уставлен всякими яствами. Позднее был и океанариум, и к «Алеше» (памятник воинской славы) ездили. Но везде был, как говорил Сергей Федорович Марасаев, адаптоген.

*Мурманск, 2004 год. Слева направо: Сергей Виноградов,
Екатерина Селиванова, Евгений Фролов,
Сергей Федорович Марасаев, Андрей Борисович Карасев*

Улан-Удэ

Начну, пожалуй, сразу с экскурсии. Потому как перечисление докладов ну совсем ни к чему. Самые яркие впечатления от экскурсии – непосредственно по Байкалу. И, конечно, от знакомства с Николаем Мартемьяновичем. Очень душевный и открытый был человек. Эпизод вспомнился. Сидим за столом, на базе, «через дорогу» – Байкал во всей красе! Места глухие. И тут Мартемьяныч говорит: «Да, все хорошо, все вкусно, но пивка бы сейчас». Что тут началось! Суета сует. Студенты,

аспиранты, все кто местный, с ног сбились. Шеф пива захотел – у кого есть? И таки нашли, и не просто нашли – принесли на выбор... Очень уж его любили.

А потом была экскурсия по озеру, с заездом на горячий источник, но интересная история произошла на судне. Небольшая посудина, что-то среднее между МРСкой и рысаком. В смысле, между малым рыболовным сейнером и рыболовным сейнером.

Вышли, небольшая волнишка. А мне все интересно, и пока народ на палубе любовался пейзажами и недоумевал от «пресного моря» (а как нам объяснили Байкал по логии и есть море), я как-то сам для себя неожиданно оказался на мосту. В смысле, на капитанском мостике. А вот дальнейшее я даже осознать не успел.

– Ты же с Сахалина?

– Ну, да.

– Пстой за штурвалом, держи вон на тот мыс.

И ушел.

Ну, конечно, я же с Сахалина. А те, кто из островной области, они ж прям сразу со штурвалом в руках рождаются. Растерянность и испуг – вот они те ощущения. И ты же не один, куча людей на судне. Помню, как народ по палубе от одного борта к другому перемещался из-за моих кручений штурвала, в судорожных попытках «поймать управление». И пошло это судно невообразимыми галсами, коллеги на палубе только и успевали за леера хвататься. Дело в том, что люфт штурвала поймать оказалось очень непросто. Такие зигзаги выписывал, что начальник всего это безобразия зашел на мост и сильно удивился, увидев меня в качестве рулевого.

Санкт-Петербург, или Очень долгий лифт

Попросили нас как-то передать препараты в Зоологический институт (ЗИН РАН). Были мы с моим коллегой в Питере. И встретила нас там на проходной одна дама – мнс, к. б. н. В нашем институте такое сочетание, скорее, из ряда вон. А в системе РАН – да запросто. И повела она нас к лифту, и зашли мы в тот лифт. До этого момента я искренне верил, что я рыбный паразитолог, хотя и на лаборантской должности. Как же мы с коллегой ошибались. Беда в том, что мы не только не смогли поддержать, как это говорится, несложный диалог. Нет, мы просто не понимали ничего из того, что она нам вещала. Какая-то смесь филогении, эволюции, генетики и не пойми чего. Мелькала только латынь хоть как-то знакомая. Вот это и был самый долгий и трудный лифт в жизни.

Добавлено 10.04.2023 года. Рюмочная

Как говорил классик, «...это даже не эпизод, а так, чистая случайность». Довелось мне вновь посетить этот красивейший город по рабочей надобности. Свели меня с одним генетиком, стало быть, он принимающая сторона. Визит выпал на эпоху пандемии, что очень сильно накладывало всякие ограничения. Мы, безусловно, посетили и институт, и кафедру, и все такое прочее, и, конечно, все пропитано духом В. А. Догеля, как в ГЕЛАНе К. И. Скрябиным, это нормально.

А вот вопрос неформального общения, он как бы еще открыт. И тут С., собравшись с духом, интересуется (а мы знакомы пару часов как), как бы я хотел провести это время. Очевидно, что два мужика, пошедшие в театр, будут смотреться как минимум странно.

– Жень, я хочу предложить одно очень популярное у нас место, но оно, скажем так, необычное.

– Фантазия просто пасует, что это?

– Рюмочная, но туда часто заходил В. А. Догель.

Ну что ж, любое место, к которому прикоснулся Валентин Александрович Догель, автоматически становится тотемом.

– Пошли.

Это оказался подвал, в котором нет посадочных мест. Только стоячие столики. Нечто похожее можно увидеть в фильмах про пивные в СССР. Вот только тут одновременно сидят (на полу) два полубомжа и стоит рядом вполне солидный джентльмен, у которого звонит телефон. Господин, замахнув рюмку, отвечает на звонок:

– Я не могу сейчас разговаривать, у меня лекция...

Калининград

Конференции, семинары, поездки... И приелись конференции настолько, что одну из них как-то даже под сомнение поставил – ехать или не ехать. Но Галина Петровна мозг вправила мгновенно.

– Что значит, не решил?! Собирайся и езжай! Такая возможность. Все, нечего тут обсуждать.

Калининград, или Кенигсберг, – одно из замечательнейших приобретений страны. Эмоции, их очень много, начиная от дороги в город в сопровождении «последних солдат вермахта». Злые языки утверждают, что забрали эти деревья очень много жизней, заканчивая чистотой и красотой самого города.

Нужно упомянуть, что встречал меня приятель и, кроме положенной экскурсии от «АтлантНИРО», провел он свою, специальную экскурсию. Музей Канта, Фортификация, Музей янтаря, всего не перечислить, да в красивых туристических буклетах все это есть. А вот база у «АтлантНИРО» и правда в очень живописном месте располагается. Прямо в

«танцующем лесу» на Куршской косе. Свезили нас и на дюны, там снимали фильм «Белое солнце пустыни». Съехались столпы паразитологии, именно там я задал одному доктору вопрос о защите своей кандидатской. На что получил отрицательный ответ. М-дааа, подумалось мне, Питер не светит.

Доктора наук, они же тоже люди, а люди все разные. Вот как тут не вспомнить Владимира Дмитриевича Гуляева. Открытый, располагающий к себе человек, доктор, профессор, а уж аспиранток как любил. Абсолютно доступный в плане общения, никаких закидонов. Может, мне так повезло в общении с ним, не знаю. С другой стороны, когда он был на Сахалине, на предложение показать лабораторию и познакомить с коллегами он ответил:

– Жень, я к тебе в гости пришел, а не к твоим коллегам. Поставь как можно лучше свой самый красивый препарат, посмотреть хочу, откуда у тебя руки растут.

Помню те муки выбора, что показать. Поставил я стефаностомуа.

– Хороший препарат. Будет из тебя толк. Обрати внимание на выросты в ветках кишечника, может быть, это и не описано даже...

ОЗЕРО НЕВСКОЕ, 2007 ГОД

Мой первый и, как потом подумалось, последний выход в море

Картина: «сборно-щитовой» коллектив достался Н. – полсостава не в прямом подчинении, а это всегда тяжело. Да еще с нами был человек... Наверное, самой яркой характеристикой человека будет эпизод, когда он пошел выносить мусор и улетел с Сахалина на Камчатку. А вообще нашли его где-то на севере Сахалина, как он там оказался и потом стал главным инженером «СахНИРО» – до сих пор загадка. Это была экспедиция, которую я не забуду никогда и постараюсь во всех красках описать ее.

Начало – стандартное. Подбирает меня КамАЗ-вахтовка в пять утра, и мыдвигаемся в сторону оз. Невское. И вот в кунге этого КамАЗа знаколюсь я с этим человеком. Ан нет, соврал – слышал я о нем и раньше, прославился он тем, что один к. м. с. по боксу (работал у нас в конторе и такой) обзвал его человеком нетрадиционной ориентации из-за цвета волос. Б. (это тот самый человек, который улетел на Камчатку ночью и которого нашли на севере Сахалина) просто разбил бутылку шампанского о голову того к. м. с. по боксу. Интересный, в общем, парень...

*Биологический анализ. Слева направо: Виталий Никитин,
Юрий Бондарев, Владимир Сафроненко*

Едем в кунге КамАЗа, знакомимся, общаемся. Ночевка в Орловке, тоже ничего особенного, ну разве что вонь – не следил тогда никто за домиком. Подъезжаем к переправе через р. Поронай. Вот тут все и началось. КамАЗ на «Маруську» (паром) заехать не может/не хочет, стало быть, УАЗику нужно сделать много ходок, чтобы переправить вещи из КамАЗа.

Да и не только в «Маруське» дело было. Есть на том берегу мост, на котором большая машина рискует провалиться. Водитель УАЗа повел себя, как бы это сказать, – заныл в общем. Тогда Б. говорит:

– Жень, да чего там, набиваем «Фаворит» (надувная лодка длиной 4,2 м), вешаем движку, грузимся и пошли. Ты со мной?

– Да, конечно, – говорю я, вообще не осознавая, что происходит.

Переход, просто переход

Солнце, на море штиль, даже ветра нет. Время – сентябрь. На борту 420-го «Фаворита» 200-литровая бочка с топливом и много-много всяких вещей. Мы в легких штормовках. Какие там спасжилеты, как сейчас. Это был просто «псих» Б. Вышли из протоки в море, и подул ветер, и главное – так резко, что накат уже в районе единицы, то есть выйти на сушу мы не сможем, очень вероятен переворот, а с таким скарбом неизвестно кому эта бочка прилетит по голове. Нам нужно дойти до протоки, там должно быть тише, ходом зайдем. Но тут почему-то решил пойти снег. То, что мы уже насквозь мокрые, полагаю, и так понятно. Но это не все, бывает и хуже. Протоку мы проскочили, GPS (системы спутниковой навигации) у нас нет, и пошел град... Наступил тот самый момент, когда тело уже не верит, что оно будет куда-то доставлено живым. Находим протоку в оз. Невское, зашли, нужно найти базовый лагерь. Где он? Б. говорит: «Тут знакомый на озере, у него спросим, поддержи пока лодку». Я уже на каком-то автомате прыгаю по пояс в воду и стою в ледяной воде, не ощущая ее холода – все, я сдался. Возвращается Б., закидывает меня за шкуру в лодку, и мы идем «в точку». На подходе видим начальника лагеря, который залез на зимовье и палит из ружья. Зачем? Мы уже все видим. А опыт-то первый, это сейчас несколько комплектов сменного белья, гермомешки, чтобы переодеться в сухое. Дошли до берега. Нас встречают.

– Мужики, спирту бахнете?

И вот тут я, мягко говоря, не понял...

Б. говорит:

– Какой (следует нецензурная лексика) спирт, почему палатка еще не собрана?! Жень, пошли палатку ставить!

То есть то, что Жень думал, что это его первый и последний выезд, оно как бы ни о чем.

– Да мокрые же насквозь, снег с градом, давай хоть в зимухе отогреемся!

– Собирать будем – на тебе все и высохнет (шатровая палатка на металлических кольях).

И правда, пока собирали, тело согрелось, и даже одежда как бы подсохла.

Автор с уловом

АСПИРАНТУРА В «ТИНРО»

Двадцатого апреля 2000 года я попал в надежные крепкие руки Галины Петровны Вяловой. Взялась она за меня всерьез и очень скоро повезла знакомить со специалистами, которые выросли в некогда легендарной паразитологической лаборатории «ТИНРО».

Лаборатория паразитологии (слева направо): стоят – Е. А. Авдеева, Г. Ф. Соловьева, О. Н. Тихоненко, Г. Г. Шевченко, Л. М. Коваленко, Л. С. Швецова, А. А. Багров, С. Е. Поздняков; сидят – З. Б. Малышева, Ю. В. Курочкин, Н. В. Тагунова, В. М. Эпштейн. 1985 год

На следующий год после знакомства я поступил в аспирантуру. Заочное обучение сводилось к одному дню своеобразной теории в кабинете у Сергея Ефимовича Позднякова и примерно пяти-семи дням практики в лаборатории. Командировки в «ТИНРО» вначале были довольно курьезными. Я писал письмо научному руководителю с каким-нибудь глупым, но очень для меня важным вопросом, а получал «нагоняй» от директора «СахНИРО» Владимира Ивановича Радченко. Дело в том, что вместо ответа на мое письмо Сергей Ефимович снимал телефонную трубку, звонил директору «СахНИРО» и говорил, что Фролов летит в командировку. О том, что мне лететь в «ТИНРО», узнавал я от Владимира Ивановича. Причем, я не просился в командировку через своего научного руководителя (будучи сыном военного, знаю, что такое субординация), просто задавал какой-то частный вопрос и через пару дней оказывался во Владивостоке. Об одной такой поездке, точнее, возвращении из Владивостока, я и хочу рассказать.

Владивосток – Южно-Сахалинск за 200 рублей

На самом деле не за 200 рублей. И перелет был Южно-Сахалинск – Владивосток – Южно-Сахалинск, но обо всем по порядку.

Мой научный руководитель был далеко не на последних должностях и пообещал, что в аэропорт меня отвезут на машине организации. Но что-то пошло не так.

Вылет был в 20:20. Утром я собрался и прибыл часам к одиннадцати в «ТИНРО». На что мне сказали – ехать еще рано. Справедливо, но мой визит в гараж показал, что водителей нет, они как бы есть в наличии, но рулить они не могут, в пятницу – водительский день. В итоге они вызвали какого-то китайца, который и должен был меня доставить в аэропорт.

Китаец оказался обрусевшим местным жителем с огромными золотыми «гайками» на пальцах и отличным знанием русского языка. Время еще позволяло, но после дождя почему-то придавил минус, а все авто города Владивостока оказались на летней резине. Такого количества аварий я не видел больше нигде и никогда. На глазах поднимается машина в горку (а сопок в городе очень много), что-то происходит, и авто, «вальсируя», скатывается вниз, собирая за собой стоящие по обочине машины. И так много-много раз. Некоторые улицы перекрывает ДПС.

Из города мы выехали, когда было уже темно, но в теории еще могли успеть на рейс. Тут меня ждало другое приключение (дело в том, что китайцу поставили задачу доставить меня к самолету любыми средствами), водитель просто «положил стрелку» спидометра на гололеде. Страшно? Сначала я пытался его отговорить – что, мол, ничего страшного, все равно не успеем, но это было бесполезно. На рейс мы, конечно, опоздали. Но это не все. Дело в том, что в кармане у меня было только 200 рублей. Аспирант, первый опыт – чего уж там.

Подошел я к кассе и услышал в ответ – следующий рейс завтра, с вас три тысячи чего-то там. Немая сцена. Это сейчас – звонок другу, и деньги у тебя на карте, да и кредитки подвязаны к телефонам, да и в окошко можно не стоять в очереди, все в телефоне. А тогда карты, может, и существовали, но далеко не у каждого, да и телефоны были только для звонков и смс. Тут в окошке пожилая и вредная женщина сменяется на молодую симпатичную девушку, и я начинаю свое повествование, резюмирую, что аспирант, это почти знак равенства со словом студент. Девушка, видимо, прониклась, потому как объяснила, что рейс мой был задержан на 10 минут и по закону я имел право от него отказаться. Объяснила, что поставит мне в билете какой-то штампик.

При покупке билета мне нужно будет сказать, что я отказался от вылета, показать этот самый штампик, и тогда с меня возьмут только за бланк (что-то в районе 50 рублей). Помню, как будто вчера было, 50 рублей я отложил, а на остальные 150 рублей купил конфеты той девочке.

Далее была бессонная ночь в аэропорту, не приспособлен он был для ночевки в начале двухтысячных годов. А вот подозрительных лиц, желающих обеспечить меня ночлегом, хватало. Потом появился наряд ППС, и таких лиц стало меньше. Поспать, естественно, не удалось. Очень хотелось пить.

К открытию кассы (не помню, но почему-то сразу купить билет было нельзя) я был первым, протянул билет, и мне сказали – три тысячи чего-то там. Я очень робко показал штампик и сказал, что я отказался от рейса. Тетка в кассе оказалась очень вредной и пыталась выяснить причины моего отказа – мол, 10 минут это мелочи. Вот что у вас такого могло случиться, что вы отказались от вылета? Я молчал... И она каким-то очень похожим на заправскую торговку голосом спросила у напарницы:

– Кааааать, чё с ним делать-то?

– Штамп стоит, берешь только за бланк.

Уффф... Досмотр, посадка, и через каких-то полтора часа я был уже в Южном. Встретили меня с недоверием, но это уже не очень интересно.

Учителям «ТИНРО» хочу сказать «спасибо»: Людмиле Семеновне Швецовой

Первый человек, которому по праву нужно сказать «спасибо», – это Людмила Семеновна Швецова. Это она сидела со мной «под микроскопом». Специфика обучения такова, что нужно смотреть в микроскоп и спрашивать, что это? Как в расхожей фразе «в действительности все не так, как на самом деле». При сравнении рисунка в определителе и тотального препарата под микроскопом даже у специалиста может возникнуть целый ряд вопросов, чего уж говорить про аспиранта с педагогическим образованием, который с трудом представляет, что он видит. Курса паразитологии в СахГУ, увы, не было.

– Вот это темное пятно – желточник?

– Да.

– Я не вижу Лауреров канал.

– Вот смотри...

– А что вот это такое?

– А это, пардон, яйца.

Людмила Семеновна – это тот человек, который смог для меня соотнести картинку в учебнике и вид тотального препарата под микроскопом. А это, порой, непросто сделать. Учителство и наставничество – сложные задачи. Людмила Семеновна – это тот человек, который, как по волшебству, доставала из библиотеки лаборатории почти любую книгу для конспектирования. Иногда она просто диктовала под запись отличительные признаки на уровне родов.

Paragasti к неполовозрелым
 51333 Jap. W. 6000m Tokyo.
 T 8 N 1 S 74. (11.0502)
 - к *Longic* о *Longic* 7 21. своим
D. macrostoma
D. varians

Gonosexua оман бс *Durogenes* свои
 семенина ноее *Мемиников*.

O. orientalis (Orechona)
sebastodis (Gibson Brazil) } *нр* *на* *на* *на*

Raza hemi и м з *Brachyphalus*
 PП < БП. PП = БП
Hemi и м з
 PП > БП
 3-цифровость

Соотношение прысокок есть
стойкий признак

Tellerotema оман *Мамалин* сн. *Кавказ*.
 50203 *зуд* к-к

<i>Прылок</i>	<i>B. crenatus</i> 1	<i>L. fillosus</i> 2+3
	<i>L. fillosus</i> 1+1	<i>B. crenatus</i> 1
	<i>?</i> 2.	- 0000
<i>Щел</i>	<i>?</i> <i>синт</i> <i>Щел</i> 1-9 - 1	<i>Щел</i> <i>Durogenes</i>
	<i>B. crenatus</i> 1+1+1	<i>Щел</i> - 4
	<i>H. levinseni</i> 1+1	<i>Щел</i> - 24
	<i>L. fillosus</i> 1+1	<i>Щел</i> - 8
	<i>?</i> 1	<i>Щел</i> - 13
		<i>Щел</i> - 21
		<i>Щел</i> - 12
		<i>Щел</i> - 4

Durogenidae gen sp.

Конспект «определятельных таблиц» со слов Людмилы Семеновны

Там, на полке я впервые увидел титанический труд К. И. Скрябина «ОСНОВЫ ТРЕМАТОДОЛОГИИ». И, конечно, решил, что это произведение у меня должно быть обязательно (в следующую поездку я привез фотоаппарат). Однажды Людмила Семеновна увидела, что я решил занять себя ну очень странной работой, а именно – сфотографировать все 26 томов (примерно 13 000 страниц)... Она улыбнулась и сказала: «Женя, ну зачем тебе трематоды жирафов? Давай я отмечу тебе то, что реально пригодится в ближайшее время, вот эти страницы и сфотографируй». В глубине души я даже огорчился, не поняв, какую услугу мне на самом деле оказали.

Людмила Семеновна – это тот человек, которым по пунктам были озвучены требования к описанию вида трематоды, от нее я узнал тонкости изготовления тотальных препаратов и многое-многое другое. Первые самостоятельные определения по слепым препаратам, первые разочарования от ошибок. Именно Людмила Семеновна правила мою первую публикацию с первыми рисунками трематод из наваги. Прекрасно понимаю, что вся эта рутинная работа со мной проводилась благодаря научному руководителю, об общении с которым хочу рассказать подробнее.

Учителям ТИНРО хочу сказать «спасибо»: Сергею Ефимовичу Позднякову

Не пиши ерунды

Наверное, это было первым и самым запоминающимся напутствием от Сергея Ефимовича. «Не пиши много ерунды – пусть одна публикация, но добротная». Но я все равно ошибся, и достаю персональный «скелет из шкафа». В одной из первых работ умудрился перепутать нематоду и трематоду (!). Вот как, скажите, пожалуйста, как я смог?! Перемудрил на фоне знакомства с монографией Сергея Ефимовича о нематодотридах. Вообще, смотрел на его список публикаций с восхищением. Просто пытался примерить на себя. Публикации, года, пауза. Кандидатская! Публикации, год пропуска, докторская. Докторская!!! Сергей Ефимович «воспитывал» меня обычно у себя в кабинете. Причем, каждое «воспитание» было каким-то особенным, но тогда мне думалось, что он со мной просто разговаривает. Он работал – по-своему, но работал! Понимание пришло значительно позднее.

О страданиях автора

В ходе таких бесед-монологов обучал меня Сергей Ефимович и тому, как читать/писать статьи. «Жень, страдания автора, по большому счету, никому не интересны, есть введение, материалы и выводы. Все

остальное – как мучился автор, неинтересно. Есть цель, задачи, выводы. Вот если заинтересовало, тогда уже вникаешь, что, как, отчего и почему. И вот еще что – не прикрывайся тенью великих людей. А то иногда встречается: “Таким образом, мы подтвердили вывод В. А. Догеля о том, что...”. Всегда возникает вопрос, а что, кто-то сомневался в выводах В. А. Догеля, зачем вы их подтверждаете?! Вот если вы смогли их оспорить, можно дискутировать, но Валентин Александрович умер, так что “поединок” по-своему лишен смысла».

Не можешь сделать сам – будь обезьяной

Все просто. Не можешь сделать хорошо сам, прочитай публикацию, которая тебе понравилась, и переложи на нее свой материал. Эту идею продвигала и Людмила Семеновна. Какая разница, у кого изучать трематод – у слонов или пингвинов. Читай разные книги и публикации про свой объект. Многое тогда казалось совсем непонятным, зачем мне читать «Гельминтофауну кунных...», если я буду изучать трематод рыб? Зачем мне совершенно непонятная книжка В. Н. Беклемишева «Основы сравнительной паразитоценологии»? Зачем мне, в конце концов, И. Г. Иофф аж 1949 года издания? А задача была простая – расширение кругозора и общей эрудиции. К слову сказать, я честно пытался, но смог прочитать тогда только основы.

Просто о сложном

Сергей Ефимович призывал меня к простоте изложения. Тут у всех, конечно, разные подходы, иных авторов без словаря специальных терминов не прочитаешь, и это тоже не просто нужно, это жизненно необходимо. Мы ведь не в журнал «Мурзилка» пишем. Терминологию важно знать! Но высшим мастерством является умение человека рассказать простым языком о сложных вещах. В. А. Догель писал о сложнейших вещах, но таким простым и доступным языком, что «Курс общей паразитологии» я прочитал «запоем». Но до некоторых вещей нужно дорасти. Совсем недавно с бывшим коллегой вспоминали, как лучшим средством для здорового сна в гостинице «ТИНРО» была книга В. Н. Беклемишева, засыпали мы именно под нее, причем очень быстро. И лишь спустя значительное время я смог ее читать.

Паразиты-индикаторы

Со временем меня стало интересовать все, что касалось паразитологии, тем более слушая Сергея Ефимовича, я чувствовал, как меня переполняет желание попробовать реализовать идеи на практике (я тогда был так далек от понимания, насколько все это непросто). Например, вычитал о некоем искусственном кишечнике, в котором можно выра-

щивать личинок гельминтов. Идея выращивания тетрафилид привела в полный восторг. Но больше всего захватила мысль о том, что с помощью глистов можно разграничивать, пусть и условно, популяции рыб. Это не просто полюбуйте, каких красивых глистов я нашел, это прикладное значение. И в одной из командировок я робко заикнулся об этом – сначала в лаборатории.

Людмила Семеновна посмотрела на меня как-то неодобрительно и сказала: «Да, Женя, есть такие работы. Вот только это словосочетание приводит в ярость Сергея Ефимовича». Вообще в самой лаборатории от некоторых сотрудников, как мне казалось, при озвучивании нелепых идей возникал очевидный скепсис. Так, на мысль об оценке морфологической изменчивости одной трематоды коллега улыбнулся и сказал: «Морфа брахифалюса, а зачем?». В чем-то он оказался прав, но публикация такая вышла.

У Сергея Ефимовича в кабинете обстановка была совсем другая. В этот же день, находясь в кабинете научного руководителя, я мысленно перекрестился, задержал дыхание, сосредоточился и произнес – ПАРАЗИТЫ-ИНДИКАТОРЫ.... Возможно, я даже глаза тогда зажмурил. Но мир не рухнул, на меня никто не кричал – наоборот, Сергей Ефимович в свойственной ему манере начал рассказывать, кто и как над этим работал. Резюме было такое: «Да, красиво, но я беседовал с автором одного из таких произведений, неофициально, и сам автор сказал, что да ерунда это все. Но ты пробуй, у всех свои пути и свои подходы. Ошибайся, набивай шишки, но не спеши публиковать “свои великие открытия”. Любая рукопись должна отлежаться».

Тетрадка

Еще одним из усвоенных уроков от Сергея Ефимовича стала тетрадка. Мне было предложено завести тетрадь, в которую записывались самые нелепые мысли, причем – записывать сразу, как только мысль пришла в голову. Одна из таких мыслей, к слову, сейчас в процессе формирования рукописи. Она проста, она очевидна, она на поверхности, но почему-то еще не реализована, во всяком случае, ихтиопаразитологами системы НИРО.

Чай с научным руководителем

Первого октября мне довелось побывать на дне рождения Сергея Ефимовича. Совершенно случайно. Прилетел во Владивосток и в 09:01 предстал перед своим научным руководителем. Он, как обычно, стал делиться идеями, и вдруг началось....

– Сергей Ефимович, разрешите...?

– Да-да.

Оказалось, у него сегодня праздник. Идут поздравители, идут и идут.

Сергей Ефимович достал исключительный чай. Одна дама из отдела кадров сказала, что она чай не пьет. Сергей Ефимович настоял и сказал, что это очень хороший чай. Такой вкусный и ароматный чай я не пил ни до, ни после. Так, простой аспирант оказался среди желающих поздравить заместителя директора «ТИНРО» с днем рождения. Было неловко.

– Сергей Ефимович, извините, я не знал.

– А ты и не обязан знать.

После поздравлений процесс моего обучения был продолжен и разговоривали мы, как сейчас помню, о глистах горбуши. О возможной книге на эту тему, об особенностях локализации гельминтов. Сергей Ефимович подарил мне только что вышедшую книгу по трематодам известного зарубежного паразитолога.

Предпредзащита

По окончании аспирантуры и сооружения подобия «кирпича» в «ТИНРО» была назначена, как я тогда думал, предзащита. На самом деле, это была просто «обкатка». В голову так и лезет слово *uebungen* (uebungen – тренировки/упражнения). Этим словом активно пользовался, пройдя Великую Отечественную войну, один маститый паразитолог. Завернули публикацию – uebungen, испортил рисунок – uebungen, ну и так далее (эту историю я узнал много позднее). Представление «кирпича» прошло, как потом мне сказали коллеги, в режиме «12 слайдов в секунду». Так что еще работать и работать, учиться и учиться. По возвращении домой организацию моей защиты уже взяла на себя Галина Петровна Вялова. Миссия моих Учителей из «ТИНРО» на этом была окончена.

Как-то так получается порой, что не успеваешь или стесняешься сказать «спасибо», и вроде бы и не нужно оно никому твое «спасибо». А потом задумываешься...

Людмила Семеновна Швецова, Сергей Ефимович Поздняков! Хотелось бы выразить вам искреннюю благодарность и признательность за работу со мной, за консультации и поддержку, за привитие интереса к паразитологии.

Из воспоминаний о защите

Предыстория сего события имеет не очень хорошее начало. Дело в том, что некий «кирпич» я уже сотворил, оставалось его куда-нибудь пристроить. Были попытки выхода на СПб, но мне сказали:

– Ну, что вы там могли сдать в этом Владивостоке. Вот приедете к нам, поступите в аспирантуру, сдадите кандидатский минимум, тогда и поговорим (то есть еще четыре года...).

Тогда и решили обратить внимание на Центр паразитологии (ГЕЛАН). Галина Петровна, поехав по своим делам в Москву, договорилась о моей защите, и не где-нибудь, а в Институте проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова. Я, находясь на озере Невское (2007 год), получил от Галины Петровны записку из Москвы: «Женя, я обо всем договорилась, но сама, похоже, тут немного задержусь».

Как позднее выяснилось, у нее было онкологическое заболевание, которое быстро прогрессировало. Впоследствии она руководила лежа на диване в кабинете. Прошу меня извинить, что отвлекся, но не описать это было бы просто непочтительно.

Итак, пройдя «предзащиту» во Владивостоке, я проинформировал руководителя, что вылетаю на защиту в Москву. Сергей Ефимович скривился (почему – я тогда просто не понимал). Вот так мальчик Женя и отправился покорять столицу. Галина Петровна договорилась – значит, все будет в порядке, по-другому под ее руководством просто быть не могло. Прибыв в столицу нашей Родины в отличном расположении духа, созвонился с теми, с кем был знаком заочно. Особо живо меня приветствовала Екатерина Никитична Протасова. С ней я был знаком через Владимира Дмитриевича Гуляева.

– Так, Женя, какие проблемы, какая нужна помощь? Завтра появится Сережа Соколов, а послезавтра я сама выйду на работу.

Встретил меня Сергей Соколов, познакомились очно, и повел он меня знакомить с сотрудниками Центра паразитологии. Пришли мы на чай, и, как сейчас помню, симпатичная девушка по имени Божана спросила, кто я и чем занимаюсь. О, ужас! До сих пор стыдно.

– Я ученый (гордо отрапортовал я, на защиту ж приехал). Ученый, ну-ну... Как будто окружающие меня люди сплошь шахтеры и водители трамваев... Не было тогда у меня осознания, куда я попал, хотя мог бы и догадаться. Ну, так вот, все приличия приема соблюдены. Сергей уже ознакомился с моим трудом, обозвав его дипломной работой МГУ (вот тогда уже закрались мои первые сомнения) – ну, да ладно. Тут нужно сделать отступление о разнице систем. Система прикладной науки формировалась по образу и подобию военной (как объяснял мне в свое время один из старейших сотрудников «СахНИРО»), стало быть, субординация более ярко выражена, чем в системе РАН. К чему это я все? Заходим мы к начальнику Сергея Соколова – это Сергей Алексеевич Беэр (собственно тот, с кем и договаривалась Галина Петровна), доктор, профессор, лауреат премии К. И. Скрябина, и вот тут начинается интереснейшая вещь.

*Слева направо: Геннадий Иванович Атрашкевич,
Сергей Геннадьевич Соколов, Екатерина Никитична Протасова*

Сергей Соколов:

– Работа не может быть допущена к защите, к ней имеется очень много замечаний.

Сергей Алексеевич Беэр, меняясь в лице и швыряя мой «шедевр» через весь стол Соколову:

– Какие?!

Сергей начинает перечислять.

Сергей Алексеевич:

– Евгений, подожди за дверью.

Что я чувствовал, стоя за дверью? Очень робкую надежду на положительный исход мероприятия.

Сергей вышел и повел меня вниз. Далее состоялся короткий диалог.

– Ты надолго приехал?

А я же вроде как на защиту настроился, предзащиту я во Владивостоке уже прошел (я так думал)...

– Значит так, либо ты сейчас уезжаешь, все доделываешь, потом предзащита, потом защита, видимо, к концу года или в начале следующего. Либо договариваешься со своим руководством, остаешься тут, доделываем все на месте, и тогда, может быть, все получится примерно к маю, но это не факт. Стоп, стоп, стоп, неправда, правильно будет доделываешь.

– Что у тебя еще есть из материалов?
– Нууу... есть морфа брахифалюса, есть динамика зараженности корюшки, есть что-то там еще... я думал статью об этом написать.

Сергей:

– Отлично, все в дисер, статьи потом напишешь. Решай свои вопросы с руководством, если жить негде, могу привезти тебе матрас, спать будешь прямо в лаборатории, я договорюсь.

Мои ощущения? Вернуться в контору и написать в отчете, что я просто прокатился до Москвы и вернулся с сомнительными перспективами. В горле – ком...

Связываюсь с руководством, дают добро: сиди там сколько нужно (благо командировочные тогда были 100 руб. в сутки, а про оплату гостиницы речи, само собой, не было), но возвращайся кандидатом.

И начались трудовые будни, хотя справедливости ради Сергей сначала посмотрел и убедился в том, что пишу я очень криво. И лишь потом активно включился в работу над моим дисером. График был довольно плотный: ранний подъем, поход в магазин, завтрак и работа, обед и работа до ночи. Самое мое любимое время – это была ночь (ночью можно было спать) или прогулка перед сном, а нет, еще выходные, на них Серега переставал со мной нянчиться и уезжал в Тверь.

Сначала, как это часто и бывает, я ненавидел своего учителя. Но вода камень точит, и со временем я привык и стал ценить те знания, которые мне посчастливилось приобретать. И чем ближе мы двигались к событию, тем как-то больше сходились. Вечерами я слушал про Академика, разглядывал его фото, байки про сотрудников ГЕЛАН (вот тогда и появилась у меня какая-то тяга прикоснуться к тому, что было сделано Академиком, в любом исполнении – будь то фото, будь то старые печатные работы). Было очень тяжело и в эмоциональном плане, но, так или иначе, состоялась предзащита, и уже зачеркивали крестиком дни до даты защиты... Подготовка автореферата, рассылка, все уже шло размеренным шагом. И состоялась даже поездка в г. Тверь в экскурсионных целях. Время до защиты пролетело быстро.

Настал мой день, и 14 мая 2008 года в 14 часов я вышел за трибуну. Волнения добавлял и тот факт, что когда-то за этой трибуной стояли великие мира сего – ну, например, Н. И. Вавилов. Но все прошло гладко. Серега удивил меня кучей подарков (я уже не считаю, что в процессе написания диссертации 20-килограммовыми посылками отправлялась научная литература на Сахалин). Потом были поздравления, столы. И даже мой научный руководитель написал мне первое и единственное письмо: «Поздравляю, коллега! Жму лапу».

Вот так я познакомился с Соколовым Сергеем Геннадьевичем!

Вернувшись в контору, поймал себя на мысли, что между прикладной паразитологической наукой на Сахалине и академической наукой в Москве – пропасть, а наличие Школы априори дает 100 баллов вперед.

ПРЕПОД...

«Жень, попробуй почитать что-нибудь. Сам увидишь, как язык развяжется, как свободнее тебе станет за трибуной. Да и студенты с неудобными вопросами – это сплошная польза».
Владимир Дмитриевич Гуляев

Собственно, получив диплом к. б. н., я направился напрямиком в СахГУ, и, на мое удивление, был мгновенно принят почасовиком к биологам и на 0,25 ставки к природопользователям. Защитился я по специальности «паразитология», вот и курс, стало быть, читал «Общая паразитология» (по В. А. Догелю). Зарплата меня интересовала постольку-поскольку, главными моими условиями был педстаж (с перспективой получения звания доцента) и возможность студентам писать дипломную по курсу «паразитология».

Потому как никаких наработок не было и в помине, к каждой лекции приходилось готовиться почти за неделю. Все же говорильня на час двадцать, «с чистого листа», требует подготовки. Зачитывать студентам книгу даже в мыслях не было (слишком все свежо было в памяти, в 2001 году сам универ окончил). Первое, с чем столкнулся, – это чувство времени, не могу я «из пустого в порожнее» переливать, пара у меня никогда не длилась ровно час двадцать, час десять, час пятнадцать, час ноль пять... Что мгновенно оценили студенты, поскольку большая перемена у них увеличилась по времени. В целом, я получал удовольствие от чтения лекций. Потихоньку стали появляться курсовики, а потом и дипломики. Некоторые до сих пор в конторе работают.

В общем, я четко ощутил, что это то самое, мое, и на следующий год лекции уже дополнялись новой информацией. Студенты стали появляться в «СахНИРО», и начала налаживаться та самая связь, когда ты уже не говоришь в пустоту, а чувствуешь тот самый отклик и интерес. Но все изменилось в одночасье. В один ничем непримечательный день вызвала меня к себе завкафедрой и сказала, что в моих услугах более не нуждаются. Ну, нет так нет, для меня это было хобби. А потом, как выяснилось, там, в верхах СахГУ, понадобилось пристроить человека. То, что этот человек никакого отношения к паразитологии тогда не имел, – неважно. Есть такое понятие – НАДО ПРИСТРОИТЬ.

Вот так и закончилась моя преподавательская карьера. Как этот опыт описать с улыбкой, позитивом и иронией (по совету друга), даже и не знаю. Но я знаю одно, в преподавательскую деятельность я вернусь непременно, это лишь вопрос времени. Я не знаю, где, когда и как это будет, но будет точно. Нет, я не променяю свой второй дом уже ни на что, но мое время придет, и я буду совмещать основную работу с преподаванием.

ВЫБОР ПРОФЕССИИ...

На одной из лекций мне задали вопрос:

– А как вы выбрали свою профессию?

– Да никак не выбирал.

То есть поступая в педагогический институт, я понимал, что в школе реализую себя довольно быстро, но хотелось быть ученым. И если уж отвечать на этот вопрос, то – развернуто и честно. Поступал я главным образом из-за тяги к *Химии*, но после первого курса один из преподавателей остудил меня, мол, аспирантуры рядом нет, да и вообще... До сих пор не знаю, почему он так поступил, но история не имеет слагательного наклона. Так случилось, и обратил я свое внимание на В. И. Красикову (завкафедрой с регалиями, волевая такая женщина). *Ботаника*... Но, увы, так увлекся курсовой работой (по рябине бузинолистной), что запустил остальную учебу. Видимо, по этой причине получил за курсовую работу четверку, огорчился и пошел к Людмиле Владимировне (ЛВ) Тихоновой. *Медицинская паразитология*... Потом была легендарная экспедиция 1999 года, и я едва не стал *Трофологом* у Сергея Никитича Сафронова. Справедливости ради нужно сказать, в этой экспедиции я и собрал свой первый, невероятно «кривой», но *Ихтиопаразитологический* материал. С ним Людмила Владимировна и направила меня к Галине Петровне Вяловой.

Возвращаясь к обучению в СахГУ, я попробую рассказать о защите дипломной работы. Дело в том, что эту работу Галина Петровна восприняла как личный вызов и поручила меня Валентине Васильевне Стексовой. Вот, собственно, она и возилась со мной все свободное время.

Совсем недавно мне попала на глаза эта «нетленка», представляющая собой аккуратно украденные абзацы из умных и не очень произведений. Писать с чистого листа тогда даже в мыслях не было. Самыми ценными и красивыми в работе, были, пожалуй, авторские фотографии, распечатанные с фотопленки. В основном это были скребни (мне тогда сказали, что это будет мой объект). Введение и заключение было написано мной, но Валентина Васильевна посмотрела, вздохнула и написала все сама.

К защите самой дипломной я подошел сверхответственно, последний плакат я закончил мастерить (там же еще речки нужно было сколотить, веревочки к ним...) в конторе в районе трех часов ночи, то есть примерно за шесть часов до защиты. Какие же они получились красивые! Жаль не сохранились. Так, в три часа ночи, разбудив охрану, я вышел из конторы домой, чтобы поспать пару часов перед защитой. Спалось плохо, ворочался, отвечал на придуманные самому себе вопросы, репетировал, настраивался. И вот он момент истины! Я предстал перед

грозной комиссией. Держался, как мне казалось, уверенно и доложил не плохо. Ну вот, все, сейчас начнется...

– Вопросы, пожалуйста.

В вопросах никогда не было недостатка, только ленивый из комиссии молчал на предыдущих докладах. Но тут подозрительная тишина. Ё! Такие пустые взгляды, такое впечатление, что меня даже не слушали.

– Вопросов нет.

И накатила такая пустота, смешанная с глубоким огорчением и разочарованием. Похоже, единственным человеком, который меня понял, был Сергей Никитич Сафронов. Он задал какой-то вопрос, но атмосферу это не разрядило. Я спускался со «сцены» с видом побитой собаки. Вернувшись в контору, я даже пожаловался Валентине Васильевне, на что мне было сказано:

– А что ты хотел? Нормальная работа, какие там вопросы, они ж не поняли ничего.

В награду мне дали «пачку» определителей со словами:

– Изучай!

ЭКСПЕДИЦИЯ 2009 ГОДА, ИЛИ ОПЕРАЦИЯ «ВЕПРЬ»

После защиты закружила меня карусель «околоруководящих должностей». И был я назначен начальником небольшой экспедиции по совершенно непрофильному, но приносящему доход делу. Началась эта история еще в нашем гараже, когда контора приобрела новую машину повышенной проходимости. Итак, ГАЗ-330811 «Вепрь». Сама идея, концепция вызывает бурный восторг. На базу ГАЗ-66 установлен дизельный двигатель. Продумано вообще все до мелочей. Машина оборудована подкачкой колес (спускаем или накачиваем колеса из кабины), лебедкой, шноркелем – в общем, все 33 удовольствия от бездорожья в качестве идей заложены. Даже фароискатель поставили.

ГАЗ-330811 «Вепрь»

Впрочем, обзоров на эту тему более чем достаточно. Примечательно другое – водители, осмотрев машину, решили вскрыть ступицы. Смазки в подшипниках не было. Так, все основные узлы были разобраны и смазаны. Минимальное ТО новой машины выполнено, и мы двинулись в путь. К слову сказать, такая машина пришла на Сахалин в единственном экземпляре. А это значит, что все гаишники останавливали нас в обязательном порядке.

Сколько расход, как проходимость, какой налог, что за двигатель. Минут на 10–15. Родилась даже мысль распечатать ТТХ и наклеить на борт, чтобы не отвечать на одни и те же вопросы. В городах народ подходил и просил разрешения сделать фотографию на фоне машины. В общем, фокус внимания нам был обеспечен по дороге к месту работы. Хотя и на обратной дороге тоже. Сама работа ничем примечательным не отмечена – кроме того, что много перемещались пешком по болоту с неводом. Идешь себе, идешь, и вдруг раз – и проваливаешься, да так, что успеваешь только локти расставить, чтобы с головой не уйти. Кроме болот, все было обычно. А вот обратный путь оставил массу впечатлений.

Неприятности начались уже после включения печки, пластик в салоне стал издавать ужасные запахи от нагрева, но печка, к счастью, очень быстро сломалась. Сломались подкачка колес, лебедка, затем сели АКБ, и после ночевки мы дежурили на трассе, чтобы «заманить» к месту нашей остановки подходящую по ТТХ технику. На наше счастье, в машине была установлена механическая коробка передач, то есть, как говорят, «с толкача» можно запустить двиг. И когда мы въехали в город в сильнейший ливень, отказал генератор, возникли проблемы с проводкой, перестали работать дворники и поворотники. Это был изящный финальный штрих – в ливень, по городу, без дворников и поворотников. Благо, произошло все уже недалеко от конторы, и все наши повороты были направо.

Помню путешествие на север в «головастике», когда отказали дворники, и мы, привязав к ним веревки, ехали в метель с открытыми окнами, через которые дергали за веревки дворники, но он хотя бы ехал! Впрочем, мы же тоже вернулись.

РЕКА ОСТРОВКА, 2018 ГОД, НАЧАЛЬНИК БАЗОВОГО ЛАГЕРЯ Ф.

В устье реки Островка заехали а/м «Соболь», КамАЗ-вахтовка и кран-балка с большой пластиковой лодкой. На берег высыпались 19 человек, жаждущих скорее поставить базовый лагерь и начать читать Шопенгауэра, ибо в день приезда-отъезда в длительных экспедициях никто не работает (постановка/сбор лагеря). Первой традиционно ставится кухня. Построили практически город. Две большие палатки с печками и со множеством личных палаток. Привезли дров, воды и сели за стол.

Вечером подъехал нехороший белобрысый человек, долго расспрашивал, кто такие, что к чему, и этой же ночью у нас украли лодочный бак и бензопилу. Пытались снять двигатель с лодки. Вот мне интересно, как бы они его тащили – он четырехтактный (тяжеленный) и вешали мы его кран-балкой. Утро было грустным и хмурым: во-первых, из-за пропажи (не побоялись ведь 19 человек в лагере), а, во-вторых, как это водится, многие в день приезда сидят допоздна, со всеми вытекающими последствиями утром.

Позавтракали. Я, кстати, завтракать на воздухе начинаю уже на третий день, причем кашей, которую обычно терпеть не могу. В полях всегда так. Поели, пошли работать, часть в море, часть на берегу. Вечером в палатки занесли даже железные тазики, но настроение все равно было скверным. Тем более что куча местных бракашей под боком, и пока не ясно, как себя вести с ними (как обычно или как на севере).

«Город»

Вот поймал себя на мысли, что в каждой профессии есть свой сленг. Что такое поля? В сельском хозяйстве – одно из мест выращивания всяких там культур. Поле в физике – форма материи: противопоставляется веществу. Но в данном случае это просто омонимы. В нашей профессии это сленг: поле/я – это экспедиция, работающая в автономном режиме «на площадке» базового лагеря. Эка завернул, ну вот и получается, что проще сказать, я с понедельника в полях. И ведь не в экспедиции, а в полях. Это как с лососем. Вот как правильно, лОсось или лосОсь, на какой слог ударение? Филологи утверждают, что предпочтительнее второй вариант. Знакомый лососятник говорит, что первым вариантом (лОсось) пользуются люди, профессия которых имеет отношение к тому самому лососю (дескать, намеренное искажение). Впрочем, я отвлекся.

Мне предстояло ученичество у Виктора Александровича. Несмотря на то, что у меня есть права и небольшой опыт хождения на спасательном «Фаворите», с этой восьмиметровой пластиковой я никак не мог подружиться и при парковке с испугу перепутал газ с тормозом, приложился правым бортом об бетонный пирс. Несильно (небольшая трещина), но неприятно. В общем, почувствовал себя «блондинкой», которая путает газ и тормоз. Причем не на какой-нибудь Honda Fit, а как минимум на КамАЗе. Инструктор, благо, человек понимающий, опытный моряк, сказал, мол, бывает. Приняли решение ставить «мертвяк» в море и не парковаться больше в устье, к тому же парковка в устье была чревата зависимостью от приливов-отливов штормовых. А штормовых, как потом окажется, будет много.

«Мертвяк»

«Мертвяк» представляет собой так называемый «мертвый якорь». Очень тяжелый груз на дне с идущим от него канатом, на конце которого – буй. Некое парковочное место для лодки на глубине от 5 метров на некотором удалении от уреза воды. Вот как тут без сленга? В качестве «мертвяка» решили использовать бетонное кольцо (такие ставят под канализационные люки), найденное неподалеку. Интернет утверждает, что вес такого кольца начинается от 660 кг, но казалось, что весило оно далеко за тонну. Честно говоря, я не верил в эту затею. Однако 15 добрых молодцев, надрывая пупы, все же смогли загрузить его в лодку, а потом выкинуть в море. До сих пор в шоке, что нам это удалось.

Правда, постановка «мертвяка» вызвала дополнительные работы, потому как ставится он за зоной обрушения волны, а значит, до парковочного места большой лодки (глубина 5 м) нужно как-то добираться. Поэтому от «мертвякового» буя была протянута и зафиксирована на берегу хребтина. По этой хребтине мы и добирались на надувной резиновой лодке до нашей морской посудины. Перекидывали аккумуляторы (основной и резервный), трал, «фроловский вещмешок» и перебирались сами.

Погрузка экипажа и вещей

Баня

Ох, это сладкое слово «баня» в полях! Когда тело начинает напоминать о потоотделении уже на третий день, и ты понимаешь, что надевать каждый день чистое белье бессмысленно, лучше его приберечь вот для такого случая. В общем, был объявлен банный день!!! Натаскали воды, накололи дров, развернули мобибу (эмм... мобильная баня-палатка).

Попариться, конечно, не удалось, но грязь смыли в тепле – какой же это кайф на чистое тело надевать чистую одежду. Я потом пробовал раскоचेгарить баню сам (оставался с напарником на пересменку вдвоем), на одного-двух человек разок можно поймать кайфушку, но не на 19 человек.

Подготовка к банным процедурам

Возвращение украденных вещей

С самого начала были попытки выяснить, кто же этот нехороший человек, и поговорить с ним. Народ воспринял скептически, но в итоге узнали, что живет он в Новиково (7 км от нас) и был неоднократно бит за кражи у соседей. Собрались было ехать, но вот он – случай. Сидели как-то вечером, стрельнула мысль прокатиться к устью (300–400 м), посмотреть, есть ли бракаши, ну так, для успокоения. Приезжаем, валяется на берегу пьяный мужик, в устье – сетка. Разбудили (вдруг замерзнет), ну и пошли к машине. Тут кто-то из ребят, мол, Жень, так это ж он, ты вроде пообщаться хотел. Разворачиваемся, идем к нему. Мне-то удобно разговаривать, у меня за спиной три парня под два метра (сам-то я не горазд кулаками махать). Подходим, и тут один из парней начинает практически кидаться на этого дядьку.

Далее классика: добрый–злой. Пытаюсь объяснить, что все про него уже узнали, где живет, номера машины и т. п. И что осталось у него за спиной 15 злых мужиков, каждый из которых, проезжая мимо, обязательно скажет что-то нехорошее под его дверь. Упирается рогом: «Не я». Заходим с другой стороны. Говорю, мол, верю, вдруг увидишь наши вещи в поселке, попроси, чтобы вернули. А сзади мужики шумят: «Чего ты с ним разговариваешь? Нужно бить!» (лексика, конечно, другая была). Сказали ему, чтобы снял сетку и через 15 минут уехал.

Вернулись в лагерь. На следующий день он пропажу вернул, но не всю. Рассказал сказку – дескать, он из-за нас полпоселка на уши поставил, все связи подключил. Мы сделали вид, что поверили. Вернул, и ладно. Опасность таких разговоров заключается в том, что в базовом лагере бывает так называемая пересменка (остаются только два человека для охраны, которые ночью чаще всего спят). Но в этот раз все обошлось.

Как мы не разрешаем ставить сети

На самом деле «не разрешаем» – громко сказано. Просто бракаши зачастую люди малограмотные. «СахНИРО» не имеет полномочий запрещать постановку сетей, а также их снимать и изымать.

В структуре нашего ведомства есть три направления: НИИ, контроль и воспроизводство. Но все мы относимся к структуре Федерального агентства по рыболовству (ФАР). И если представиться сотрудником ФАР (что в общем-то правда), предъявив удостоверение, без подробностей, то вполне можно убедить людей поискать другое место для рыбалки. Попадают, конечно, и такие:

– Вы знаете, кто у меня папа/мама/кум/сват/брат? Но для таких все уже давно продумано.

– Ребята, вы про родню расскажете спецподразделению ФСБ, которое курирует этот район (обычные пограничники). Мы вас предупредили, хотите – идите ставьте сетки, а у нас работа.

Главное, как говорил товарищ Жеглов, разговаривая с людьми, всегда улыбайся (с). Обычно после таких заявлений спокойным тоном и с улыбкой желание поставить сетку из принципа/вредности пропадает. Хотя стоит отметить, что сотрудничаем мы со «спецподразделениями ФСБ» довольно плотно. Обычно на следующий день после постановки базового лагеря приезжает большая генеральная проверка (УРАЛ с бойцами и командирский УАЗ) во главе с начальником заставы, знакомятся, он оставляет свои контакты начальнику лагеря:

- Если что, звоните напрямую.
- Добро, спасибо.

Не та самая проверка

Первыми прибыли контролирующие сотрудники нашего ведомства и, как ни странно, началось (обычно после предъявления удостоверения только разрешительный глянут да журнал проверят). Я так и не понял, чего они хотели, но нервы попортили капитально. И в пределах своих полномочий, и вне их. Нашли какие-то левые нарушения, топливо якобы в водоохранной зоне, незаконное снятие сетей (нашли на берегу) и еще какая-то там дребедень. Начинаю нервничать, понимаю, что они не правы:

- Мужики, вы чего хотите-то?
- У вас нарушения.
- Нарушения? Оформляйте! Единственное – звонок в контору сейчас сделаю, доложить нужно.
- Стой, стой, зачем звонок, ведомство-то одно.
- Вот и я о том же, пусть там наш директор с вашим начальством разбирается, что там у вас происходит.
- Да нет, оформлять мы ничего не будем, мы просто так – указать вам на непорядки.
- Уже час указываете, вы к столу хотите, выпить-закусить (уже красный, как рак)? Так я не приглашу (если документы в порядке, в палатку можно заходить только с разрешения).
- Мы на работе не употребляем (садутся в машину и уезжают).

Народ в недоумении – что это было? Позвонил, доложил начальству, больше не приезжали.

На следующий день летит к нам описанное выше «спецподразделение ФСБ» – большая генеральная проверка (УРАЛ с бойцами и командирский УАЗ). Довольно быстро проверили документы, узнали обстановку с браками. Старшой (начальник погранзаставы) оставил личный телефон, сказав, что если будут какие-то сложности, сразу зво-

нить ему. Пригласили к столу, они с водителем перекусили и уехали. Пограничники в дальнейшем проверяли нас еще один раз, когда к ним сам генерал с проверкой прилетал.

Волшебный пшик

Самая моя скверная обязанность (начальник экспедиции/лагеря) – проснуться часов в 06:30–07:00 и ходить, постукивая по палаткам, приговаривая: «Море рабочее, поднимаемся». Особенность этого «предприятия» сводится к тому, что коллектив – «сборно-щитовой». Люди – из разных структурных подразделений. То есть с теми, кто непосредственно в моем подчинении, я могу не церемониться, а вот с другими – приходилось. Так что иногда нужно было делать так. Очередная палатка:

– Т., подъем.

– Да, да, Жень, сейчас...

Тогда приходилось давать будильник:

– В., возьми банку «энергетика» у меня в палатке, подойди к Т. и сделай пшик.

Срабатывало мгновенно и всегда. Впрочем, справедливости ради, нужно признать, что бывало это нечасто.

Охрана лодки

Как я уже писал, в первый день пытались снять двигатель с лодки. Поскольку она базировалась в устье (300–400 м от лагеря, вне видимости), было решено переставить одну из палаток, чтобы визуально видеть лодку. Отправил своих парней. Выдали дудку от медведей (на случай прихода людей, конечно) и фальшфейер. На самом деле очень жутко ночевать на отшибе вне видимости лагеря. Собственно, около трех утра прозвучал этот горн, половина лагеря «в трусах на босу ногу» рванула в устье, а холодно... В ту ночь градуса два было. Прибегаем туда, там парни стоят с виноватым видом:

– Жень, я открываю палатку, а на меня два светящихся глаза смотрят, я только потом подумал, что у людей же глаза не светятся.

Лисы... Лис было ооочень много, ночью выходишь из палатки, а они из-под ног – в разные стороны.

«Погода на Сахалине мерзопакостная, располагающая к нудному, беспробудному пьянству» (с). (Приписывают А. П. Чехову)

Вопреки названию речь пойдет совсем не об алкоголе. Имеет смысл описать само место. Фотографии, как ни крути, не передают эмоций. Если выйти на устье реки, сразу чувствуется какая-то особая атмосфера,

как, например, на руинах сталинского лагеря № 53, когдаходишь к БУРу (район Погиби, где до материка всего 7 км). Или на реке Рукутама (озеро Невское, Поронайский район), так и ждешь, что шаман с бубном выйдет. Вот и тут витает что-то в воздухе, такое неприветливое. На юг от р. Островка всего в паре километров тоннель, который долбили бедные корейцы под бамбуковыми палками японцев.

Тоннель, через который ходили вагонетки с углем

Валяются рельсы, даже не узкоколейные, тут ходили при японцах вагонетки. С чем?.. (ходили они, как позже выяснилось, с углем, причем аж из пос. Новиково). На север за мысом – японское кладбище. В общем, то еще место, прям кожей ощущается – колючее, неприветливое. Да и технику оно как-то не жалует. В первый же день ребята-гидробиологи утопили мотор. Достали, починили, промыли – все вроде хорошо, вышли в море – чуть поработал и заглох, вернулись на веслах. Привезли второй, полдня отработали – и все, и причин видимых вроде нет. Поехали за третьим, отработали, но стал «сапог» подклинивать. На нашей лодке вышла из строя гидравлика, работали вручную отверткой. Держат меня за ногу, чтобы не булькнул в воду, а я там отверткой его вручную опускаю. Сдохли два АКБ, GPS-ка батарейки жрала, как потерпевшая. «Хорошее» в общем-то место – прям чувствовалось.

На подножном корме

Отправляясь надолго в поля, даже при наличии повара, обычно считаешь на довольно простое меню в виде тушенки с макаронами, рисом, гречкой, супа с сайрой и морской капустой. Но в эту поездку по-

добрались люди, которые даже в штормовую (любая погода, при которой нельзя выйти в море, может быть и шикарный солнечный день, но волна больше 0,5 м или накат 1 м) не сидят по палаткам. Должен объективно признать, что питались мы очень разнообразно. В распоряжении было все. Лопух, крапива, папоротник, дикая петрушка, травянистая аралия, морская капуста, морской виноград. Лопух в салате, лопух, тушенный с мясом. Суп из крапивы. А еще с нами был Константин, не просто «ра-

бочая единица», а в свободное время – лучший повар! Разнообразнее не придумаешь. Разумеется, была уха из мальмы и кунджи. Была даже экзотика. Сидит себе А. у палатки, никого не трогает, поднимает голову – гадюка. «А-а-а! Змея, я боюсь их, как черт ладана». К.: «Парни, тут змеи есть, пошли набьем». Пожарили, косточки погрызли. В общем, «колпит» у нас еще даже осталось.

Деликатес

Лодка пластиковая РСХ 49-57

Когда я произношу вслух РСХ 49-57, ощущение, что свое имя называю. Дело в том, что перед выходом и после захода нужно докладывать пограничникам. Посему утро у меня начиналось не с кофе или чистки зубов, а со звонка «лебедям» (позывные у них – Лебедь №...).

– Доброе утро, Фролов, РСХ 49-57 через два часа от звонка выходит в море. План работ стандартный. На борту – 2+1 (количество пассажиров + лодочник).

– Принято.

Вот так было через неделю работы, а в первые выходы разговоры были очень долгими – куда пойдете, зачем, когда вернетесь, номер разрешительного билета, что будете ловить, сколько человек на борту.

Перед тем как предаваться воспоминаниям об этом монстре, хотелось бы описать предысторию самой экспедиции.

Совещание в кабинете замдиректора. Ситуация проста, как апельсин. С 14 мая и до середины июня нет лодочника. Лодочник – это такой о-о-очень важный человек, в нашем деле все от него зависит (на правах

особого мнения имеет право не подчиняться начальнику лагеря, если усматривает угрозу для жизни людей при выходе в море). Вот посмотрел на море левым глазом и говорит: «Нет, погода сегодня нелетная, в море не идем, откройте мне банку энергетика». И все, спотыкаясь, бегут ему за энергетиком, потому что корячится день сурка (штормовая) – кто спит, кто вышивает, кто по лесу гуляет. А бывает и наоборот – и ой, как бывает (с). Проснулся рано утром: накат 1,5 м, волна 0,5 м. Подъем, рабочая погода, выходим.

Ну вот, нет этого важного человека. Есть лодочник, который на ней работал, он может выделить пять дней максимум, чтобы обучить кого-нибудь. Сижу, молчу, мне хватает того, что я иду начальником лагеря. И тут, как-то вроде бы и случайно, но вспоминают, что у меня есть права. Согласно планам руководства, я вообще должен был сидеть в кабинете и водить руками, а парни, стало быть, должны разглядывать, чего это я им там такое показываю за 150 км от их базирования. А тут – раз, и все пять человек на меня как-то нехорошо смотрят и молчат. Вы представляете себе лодку длиной 8,2 м? Нет, так-то оно вроде бы нестрашно, когда она вот тут на асфальте стоит. Пытаюсь вяло отнекиваться, мотивируя тем, что рулил только «Фаворитом» (4,2 м), и то давно, и уже все забыл. Все говорят, что там ничего сложного, но сотрудники других подразделений с правами на лодку сами почему-то очень заняты и обходят эту лодку десятой дорогой.

Соглашаюсь, не срывать же работы (на самом деле амбиции – стать по сути дела одним из двух человек, кто будет иметь опыт). Сложности с этой лодкой заключаются в том, что она морская. На ней установлен четырехтактный двигатель, работающий от АКБ, который транспортируется только в особом положении. Про двигатель, наверное, отдельно лучше писать. Ну, так вот, загружают этого монстра в кран-балку, привозят в устье реки, сгружают. Это я так специально пишу, загрузили-выгрузили, на самом деле: такелаж, стропы, «муравьи» снуют туда-сюда, все по ТБ. Первый выход. Стоп, пожалуй, еще отвлекусь. Перед тем как выходить, надевается нательное, полартек, брезентовая одежда, затем болотники, мембранка и спасжилет. То еще удовольствие, особенно в жару (по-другому нельзя – море непредсказуемо). Все, в лодке, идем. Виктор мне показывает всякие там рычажки, газ, тормоз, румпель, гидравлику. Где постучать молоточком, ну если милях в трех от берега заглохнет... Как выставляться на курс.

– Ну вот, Женя, а теперь сам попробуй, разворот, поворот, задний ход, габариты.

Все, разобрался, пошли работать. В общем, для передачи ощущений можно вспомнить, как на права обучаются и с инструктором ездят, вот где-то очень близко. Только инструктор у меня на пять дней (я должен превратиться в губку и впитать все, что он говорит), а потом в лагере не

остается ни одного человека, который имеет отношение к происходящему. Поначалу меня сильно удивляло, как можно идти заданным курсом и смотреть по сторонам на 360 градусов, а левой рукой работать с GPS-кой. Отработали, возвращаемся. Заходим в устье. Да как я сюда зайду – слева камень, после маневра сразу топляк, после него опять слева, но уже пикуля. В общем, не получилось у меня ни подходить к этому пирсу и ни отходить от него, разворачивает поперек реки, и все тут.

Решили проблему «мертвяком» (писал выше). Но тут возникла другая сложность, я никак не могу рассчитать/почувствовать инерцию лодки. Либо не дохожу до буя, либо проскакиваю его. Опыт – он такой, только практикой нарабатывается... Работа уже без инструктора (он облазил район работ водолазом вдоль и поперек) осложнялась тем, что берега там скалистые и каменистые, очень много выступов и камней, которые спрятаны в воде, визуально их заметно не сразу. Поэтому работал я строго по точкам, никаких отступлений. В общем, с лодкой более-менее подружился в итоге, даже понравилось, а вот с двигателем строго на «Вы» (очень уж капризен оказался), может, потому, что лодка другой двигатель хочет? Слабоват он для нее, как ни крути...

«Встреча с косатками – в самом деле страшно?»

Дело в том, что некоторые эмоции передать текстом чрезвычайно сложно. Как передать, например, такие эмоции, как восхищение и испуг, любование величием и страх, то есть две эмоции, которые испытываешь одновременно. Наверное, это можно сравнить со встречей с медведем лицом к лицу, но в таком случае страх перевесит все, тут уже не до восхищения, и любоваться как-то не тянет. Когда ты видишь его вдалеке в родной среде (не путать с зоопарком) – да, красиво, но ты в безопасности, и, стало быть, тоже не те ощущения. Вот как передать?

Обычный выход в море, стандартная работа. Все штатно. Дикий вопль:

– Косатки по правому борту!!!

– «Стоп машина»!

Эмоции – это страх и восхищение, восхищение мощью, величием этого животного. Страх от неясности дальнейших действий – наших и их. Дело в том, что это очень игривые существа. Любят играть с лодками. Я видел ролик, снятый у нас тут, на Сахалине, как косатка подходит к лодке, переворачивается брюхом вверх и проходит под лодкой, играет. После встречи вживую просто потрясно. Она идет на лодку, как на таран, и перед самым столкновением разворачивается плавником вниз и проходит под лодкой. Как будто предупреждая – ты на моей территории. Так что когда видишь их вживую на воде – это непередаваемые ощущения. Почему «стоп машина»? Да потому что надеялись, стоящая

лодка им будет малоинтересна. Да, мы им были в тот раз не нужны, они шли покушать. На голодный желудок, видимо, не до игр. Охоты косаток вживую не видел, но вой сивучей, на которых они охотились, наверное, не забудется никогда...

В заключение рассказа об этой экспедиции хочется выразить глубокую признательность ребятам-гидробиологам, которые поддерживали и делом (Егор Корнеев), и словом (Вячеслав Степанович).

РЕКА ДОЛИНКА, 2019 ГОД, ИЛИ ЗА НЕОБЫЧНЫМИ ПАРАЗИТАМИ

Не бывает одинаковых экспедиций. Каждая поездка уникальна, это как шахматная партия, они никогда не повторяются, хотя и начинаются всегда одинаково. Оглядываясь назад, мне, на мгновение, показалось, что и писать-то не о чем, все штатно, но память все же вытащила интересное из своих анналов. Как это – нечего писать?! Во-первых, я был без своего транспорта (в котором обычно сплю) и опробовал одноместную палатку, ее тут же добрые и отзывчивые коллеги окрестили «собачьей будкой».

«Собачья будка»

А самое главное, озаменована эта поездка была вот чем. В этот выезд моим «старшим коллегой» из РАН была поставлена задача найти необычного глиста. Есть такой род лилиатрема, и на генетику ее на тот момент еще не «разложили», то есть в генеральном банке базы данных ДНК ее еще не было. Вот на нее, эту самую трематоду и устроили настоящую охоту. Примечательна она ротовой присоской в форме лилии. И тем, что встречается не повсеместно и не у каждой рыбы. Собственно, тут нужно сказать «огромное спасибо» начальнику экспедиции Егору, который не только санкционировал ту охоту, но и активно в ней участвовал.

Цель: терпуг (любой).

Задача: поймать терпугов, зараженных именно этими метацеркариями (личинки трематод).

Условия: орудия лова любые (разрешения есть на все, вот чем мне нравится ездить с этим начальником – у него всегда все есть и всегда все исправно).

Итак, мы располагаем любыми орудиями лова – спиннинги, сети, мордуши, закидной невод, мальковая волокуша: все, что можно придумать, чтобы работать с резиновой лодки или с берега. И терпуг пошел, но незараженный. Разумеется, большая часть отпускалась. Ихтиологи сделали свою работу, и все. Что делать? В мордуши набивается, но тоже чистый. Стали менять места: в траве, под камнями, просто на песчаном дне, в разных приливно-отливных ванночках. Нашли!!! Нашли очаг, зараженность просто дикая – до 300 штук на рыбу, но вот беда – в день отъезда, то есть сбора базового лагеря. А это, знаете ли, не только личную палатку собрать, и вперед. Благо в лаборатории ждет, «потирая руки», коллега, который и выполнил вскрытие.

Черкану я пару слов про вскрытие, чтобы было понятнее, почему я этого не сделал на месте (на самом деле сделал частично). Обычно, отработав основные задачи (планктонная съемка), при наличии интересной мне рыбы я в лагере вечером садился за МБС (бинокляр) и вскрывал то, что мне нужно. Но в день отъезда это сделать нереально. Тебе нужно под МБС достать иголками цисту и не одну. Затем уже другими более тонкими вскрыть эту цисту и достать животное. Затем это животное нужно положить на предметное стекло, накрыть покровным, зафиксировать спиртом и только после это положить в пробирку с этикеткой. И так много раз. А «потирая руки» в данном контексте – ирония, потому как «умирали» в лаборатории коллега со студентом долго и нудно (у меня дома тогда еще не было полноценной лаборатории с МБС и микроскопом). Эта поездка отмечена наибольшей продуктивностью в научном плане:

Sokolov S., Kalmykov A., Frolov E., Atopkin D. Taxonomic myths and phylogenetic realities in the systematics of the Opisthorchiidae (Trematoda) // *Zoologica Scripta*. – 2022. – Vol. 51, No. 2. – P. 232–245.

Sokolov S. G., Shchenkov S. V., Frolov E. V., Gordeev I. I. A Phylogenetic Re-Evaluation of the Stenakrine Opacoelids (Trematoda, Digenea: Opacoeloidea) with Some Taxonomic Novelties // *Diversity*. – 2022. – Vol. 14, No. 11. – P. 949.

Фролов Е. В., Новокрещенных С. В., Заварзина Н. К., Корнев Е. С. Гельминтофауна прибрежных рыб юго-восточного Сахалина (устье реки Долинка) // *Паразитология*. – 2024. – Т. 58, № 1. – С. 19–34.

ВЫХОД В МОРЕ

Что-то я все «о ветерках и заборах», а про важнейшую часть работы как-то и не писал. Нет, я не про отбор проб с лодки – там максимум, что может случиться, это демонстрация своего богатого внутреннего мира морским обитателям (но есть драмина). Можно, конечно, умудриться пробить лодку, но в море это, скорее, редкость. Двигатель отказать может, и на веселках даже по волне 0,3–0,5 балла тоже очень весело, да даже в штиль в паре миль от берега. Но это вопрос смены гребцов. Самая интересная часть всей процедуры – это выход в море и подход к берегу, но подход не так интересен.

Если ошибся – просто выкинет на берег, или сам ходом специально выскакиваешь, ну в смысле лодочник, а ты сидишь и ловишь момент, когда спрыгнуть и подтащить лодку. Ну, прощелкал, хлебнешь морской водицы, ты в жилете далеко не уплывешь, коллеги опять же поднимут. А вот выход, выход – это да... Не хочу показаться занудным, но в любом месте есть зона обрушения волны, то есть то место, где волна максимально высока. И вот тут начинается все самое «вкусное». Решение о выходе в море принимают начальник экспедиции и лодочник. В основном слово за последним, ибо ему рулить. Но бывает и наоборот – и ой, как бывает!

В общем, дело такое. Сидим день, сидим другой, сидим третий на берегу, а работать нужно, а мы штормуем (накат сильный, не помню, сколько тогда было, пусть будет 0,5 м). Ну и наш начальник слегка перечитал Шопенгауэра (где-то на 0,5 страницы примерно) и командует выход. И народу тогда было много (втроем выходить сложно), и вывести лодку в гидрачах в общем-то можно, но это неточно (фраза-паразит с этого выезда – «мы сработаем 100%, но это неточно»). Все вроде бы хорошо, выводим, и лодочник опытный, но глохнет движка, и эта лодка, как в замедленном кино, несмотря на то, что курсом против волны, переворачивается очень жестко. Бывают жесткие перевороты, когда ты против волны, а бывают мягкие, когда боком разворачивает.

Все, естественно, помогают людям добраться до берега, собирают вещи, но одного члена (извиняюсь) экипажа нет... Он, оказывается, под лодкой, ему при перевороте деревянной лавкой приложило по круглой такой штуке, в которую некоторые только едят. Обошлось все, вытащили, но в море мы в тот день выходить больше не пытались.

Ну и очередной наш выход: опять глохнет движка, и разворачивает уже боком на мягкий переворот... Вопль: «Д.!!! Сделай уже что-нибудь!», видимо, услышал наш мотор, и мы вышли. Получилось прям геройство какое-то (извиняюсь), а это просто работа.

ОЗЕРО СЛАДКОЕ, 2020 ГОД

Обсуждая как-то очередного глиста с коллегами из РАН, стали ностальгировать по поводу поездки на оз. Сладкое в 2009 году, тогда еще на Рајего іо (сейчас одной машиной я бы не поехал, не знаю, что у меня тогда в голове было). Ну и как-то переключились на то озеро, дескать, столько материала не добрали тогда, да и генетика не стоит на месте, будь она неладна. В общем, заронились зерна сомнений, а не съездить ли. Вот и решили организовать поездку. Озвучил эту мысль на работе, нашлось много энтузиастов, большая часть, впрочем, отказалась в силу разных причин. Кто-то просто «покричал», кто-то по работе не смог.

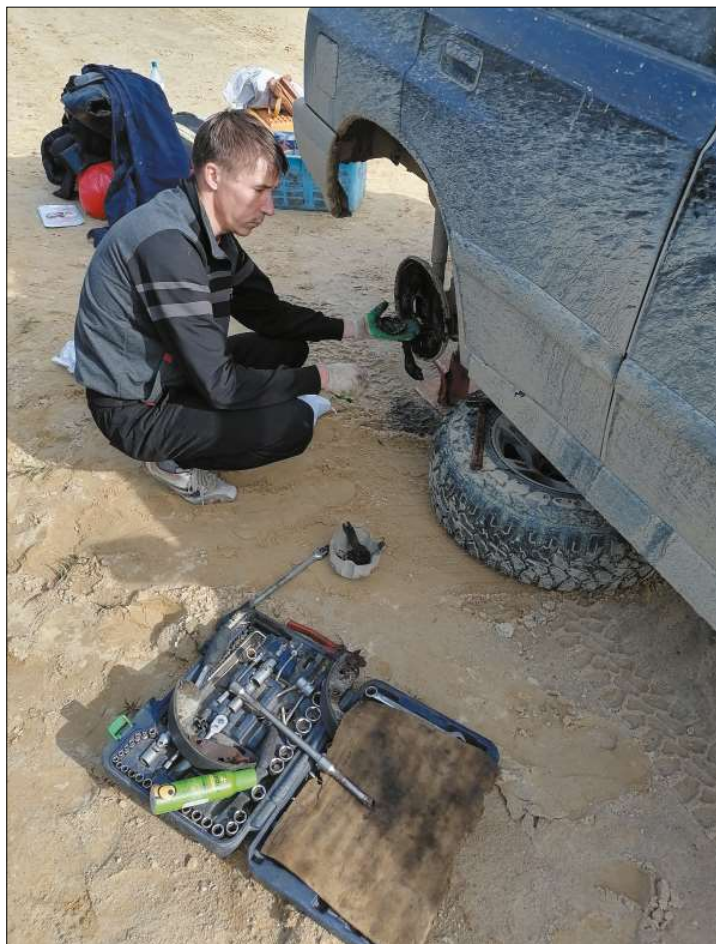
Поездка получилась довольно интересная. Начиная с того, что не каждый готов потратить свой отпуск на такие глупости. А таковых нашлось: Л. с сыном (интерес: фотографии рыб озера для будущего атласа), К. с сыном (гидробиологический интерес) и я со своими (за глистами). Ну, а если серьезно, то готовились примерно за месяца два. Активная фаза подготовки, как обычно, – за неделю до старта. Барахла набилось две машины плюс прицеп (лодка, движка, палатка Мобиба с печкой, генератор, бензопила, большие палатки, топливо, да и личных вещей полно), с прицепом я и вовсе первый раз обращался (довольно непросто задним ходом для разворота втиснуться в мелкую лесную полянку, и очень часто у меня это не получалось). Приходилось его снимать и разворачивать вручную. Старт ранний (06:00), и первую половину пути прошли довольно бодро.

Погрузка закончена – выдвигаемся

Переночевали за пгт Тымовское на реке Тымь, ничего необычного, кроме комаров и лис (очень много лис). Со стола-то мы все убрали, а вот кости куриные кидали в кусты, вот лисы их всю ночь и делили. Выходишь из палатки по малой нужде, а на тебя глаза в темноте глядят (впрочем, обычное дело). Проснулись часам к девяти, собрались и не торопясь двинули на север. Сахалин, как ни крути, – уникальное место. При длине острова всего в 950 км сменяется несколько климатических поясов, что особенно заметно, когда едешь на машине. Вот, скажем, Тымовское – уникальное место с резкоконтинентальным климатом. Во времена СССР в этом месте активно и успешно развивалось сельское хозяйство.

До поворота на озеро дорога нормальная, асфальт тогда до Омор дотянули, ну а тымовская грунтовка какой была, такой и осталась. Доезжаем мы до поворота на само озеро, сворачиваем на него и буквально через 5–7 км на второй машине разлетается ступичный подшипник (ехать дальше нельзя, не говоря о том, что все бездорожье только начинается).

Опишу эту, мягко говоря, неприятность чуть подробнее. Связи нет (только спутниковый, но он прям совсем-совсем на крайний случай), ближайший населенный пункт – Оха. В нем два автомагазина, и если там мы ничего не найдем, то разбиваем лагерь на обочине лесовозной дороги, что, собственно, и было сделано сразу под руководством В. С. Добыча воды, костер, готовка еды, кипяток, чай... Надеемся на лучшее, но рассчитывай на худшее.

А вариантов – два. Первый: разворачиваем мою машину и дуем обратно в Южный (туда-обратно – два-три дня). Второй: возвращаемся на федералку (где есть связь) и заказываем все необходимое из Южного поездом в Ноглики (те же два-три дня, возможно, четыре). Но нам повезло (а везет, как известно, сильнейшим), мы все нашли в Охе (хотя грех не упомянуть, что как только появилась связь, были задействованы все знакомства и резервы (за что особое спасибо И. Б.), и в незнакомом городе нас уже ждали не известные, но готовые помочь нам люди.

На устранение неисправности у нас ушло около четырех часов. Дорога до самого озера непростая, много участков на «геометрию» и точность прохождения.

Частичная выгрузка необходимых вещей

Тут нам опять повезло, дождя не было ни туда, ни обратно. Был бы дождь, вместо дня добирались бы, наверное, несколько суток.

Лагерь ставили уже в темноте. И с самого утра начался отпуск началась работа. Все время, которое мы там были, подобие отдыха было только вечером. И у многих закрались сомнения в отношении того, что мы в отпуске, а не в обычной экспедиции. Е., правда, сомнения те развеял.

– Мужики, мы точно в отпуске, а не в экспедиции?

– Не знаю, я в экспедициях так не впахиваю!

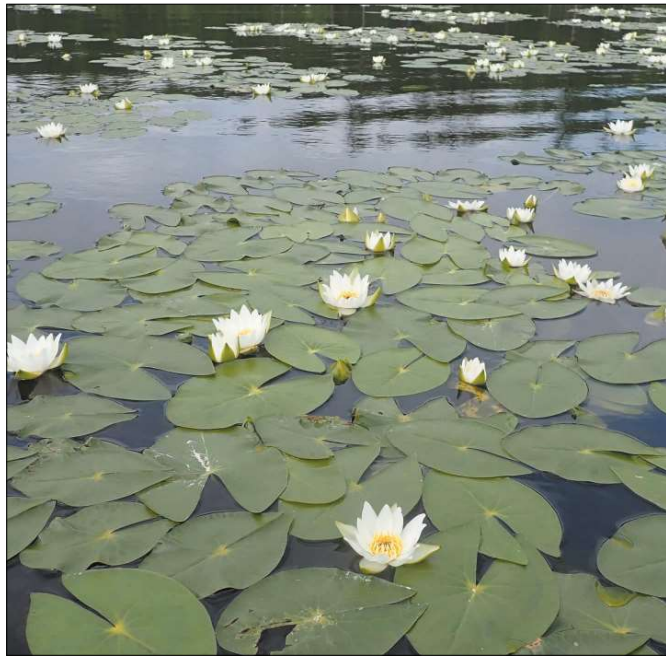
– А, ну, значит, все в порядке, в отпуске (*смех*).

А ведь мы с собой брали воздушку, мобильную баню-палатку (Мобиба) с печкой в надежде на регулярную баню. Время пролетело просто мгновенно. Обратная дорога далась очень легко и без приключений. Собрали очень много интересного материала.

Что касается озера, оно живое, это чувствуется, как, наверное, в любых местах, где худшая часть человечества не оставила следов своей «культурной жизнедеятельности». Очень жаль, что через десяток-другой лет озеро, если и не исчезнет, то, скорее всего, трансформируется в болото. Великолепное место. Я не знаю других таких мест на Сахалине – ну, очень красиво!

Озеро Сладкое

Кувшинки

Из живности был рак, и уж не знаю, каким-таким чудом, но в августе я подцепил клеща. Благо, у нас был доктор (сын Л.). Ну, и само собой огромное количество медвежьих следов вокруг лагеря, но это обычное дело...

Медвежий след

Результатом наших приключений стала работа:

Vlasenko P. G., Sokolov S. G., Ieshko E. P. [et al.]. A re-evaluation of conflicting taxonomic structures of Eurasian *Triaenophorus* spp. (Cestoda, Bothriocephalidea) based on partial *cox1* mtDNA gene sequences // Canadian Journal of Zoology. – 2022. – Vol. 100, No. 6. – P. 323–333. – DOI 10.1139/cjz-2021-0147. – EDN UZXZGA.

А вот публикация по червям из щуки с описанием нового вида будет направлена в печать только спустя... пять (!) лет.

ОЗЕРО АЙНСКОЕ, 2021 ГОД

С 1999 года я бывал в разных экспедициях. Но количество экспедиций повышает вероятность интересной истории. Как однажды сформулировал мой друг Сергей С.: «...статистические закономерности сбора фаунистических данных...». Красиво? Да не то слово. А ведь по-простому, чем больше рыбы вскрыешь, тем больше глистов найдешь. Казачок... почти символ этой экспедиции.

Подготовка к культурно-массовому мероприятию

Все было как обычно, приехали, поставили лагерь, сетки, все по плану. Но ты можешь себе запланировать все что угодно, а Вселенная всегда внесет свои коррективы. В общем, в наш уже поставленный и обустроенный лагерь приехали очень важные дядьки и тетьки. Нужно обладать колоссальной наглостью, чтобы заехать в чужой лагерь и в категоричной форме сказать, чтобы мы собрались и уехали отсюда, у них тут мероприятие. То, что у нас в лагере и так началось все не очень гладко (один из водителей решил, что его небольшая собака природой создана для охоты на тигров, и накинул ее на добродушнейшую псину Андрея, на что пес Байкал не остался в долгу и чего-то там прокусил этой мелочи), ладно – внутренние терки иногда случаются. Но тут подходит к нам большой

человек и говорит, что он потомственный казак в сотом поколении, и теперь тут будет какой-то слет/съезд/сход казачков. Вот только казачков нам не хватало для полного счастья.

Один из сотрудников вступает в «диалог», пытаясь объяснить, что все казаки уже не те казаки и что все это ерунда, и вообще если так рассуждать, то он, наш сотрудник, куда более казачнее или казачатее, чем все они тут вместе взятые. Дальше мне как обычно нужно больше всех, вот, правда, побьют как-нибудь (уже ведь не первый раз так делаю). Пытаюсь как-то успокоить «казачков», которые уже готовы достать шашки ну, или закатать рукава. Разговор с большим скрипом переходит в диалоговое русло. Но суть такова, что на этот казачковый съезд приедет и губернатор, и чуть ли не все мэры Сахалинской области. Не хочет человек по-хорошему. Объясняем, что ему нужно звонить в нашу контору и добиваться того, чтобы наше руководство сказало нам покинуть место работы.

Казаки и казачки

То есть государство оплатило работы по изучению оз. Айнское, но из-за того, что в этом месте Казачок, нужно все бросить и уехать. Тот дядька стал куда-то активно названивать и обещал дойти до Москвы. Вот чего они все в той Москве правды ищут? Никакие губернаторы и мэры на тот слет так и не приехали, но поставили сцену, нагнали охраны с собаками, привезли школьников от средних классов до пубертатного возраста. Девушки принципиально ходили набирать воду исключительно на территорию нашего лагеря. Потом пели какие-то песни, которые были очень далеки от казачьих. В общем, ладно бы с этим соседством, но бессонная ночь – это было нечто. К сцене прилагались огромные колонки, а из них всю ночь лился какой-то лютый звук. Ничего казачьего не было, было что-то вроде тумба юмба тумба юмба юмба тумба бам бам бам. И земля под палаткой в такт вибрировала от того грохота. То есть поспать не получилось. Светомузыка опять же.

Про работу? А что про работу? Начальник базового лагеря А. П. меня вообще не привлекал к общим и бытовым вопросам. Да и вообще ни к чему не привлекал. Рыбу я порезал, но было безумно жарко – потому и с тряпкой на голове, которую регулярно смачивал в воде.

Были еще какие-то рабочие моменты в виде срочной поездки на р. Мануй к другой полевой группе (за генератором). В магазин – на лодке за хлебом. Интересные рыбы. Интересные глисты. Но **Казачок** затмил все...

Червячки

РЕКА ГОРНАЯ, 2022 ГОД

Одна из немногих экспедиций, о которой можно написать: пришли, увидели, победили. Все было абсолютно штатно, без приключений, аж до противного. Место базирования скучное, глистов почти не собрал. Работы в соответствии с КП выполнены в полном объеме. Вот разве что в эту поездку взяли прицеп, чтобы облегчить таскание лодки по суше. Это, кстати, всегда по-разному, и обычно стараемся встать поближе к воде. Ну и решили, что есть машина, есть прицеп. А там такой тяжелый песочек на подъеме к лагерю.

– Жек, поднимешься с лодкой к лагерю?

– Ха! Легко!

Обложили прицеп жилетами (дабы не повредить плавсредство), водрузили на него лодку. Но не тут-то было. Песок во все стороны, а прадик зарывается. Вот тут начались танцы с бубном вокруг машины под крики: «Фууу, прада не едет...».

Не едет...

Стали подкладывать доски, подкапывать, шептать заветные слова, даже толкать. И тут до меня доходит простая вещь – я не включил блокировку межосевого дифференциала. Уже предвкушая обилие эмоций, попросил помощников отойти от машины, включил дифлок и спокойно поднялся. То есть коллектив полчаса пытался всеми возможными способами содействовать, а я просто забыл нажать кнопку. Эмоции и высказывания участников были крайне разнообразны. Двиг донесли уже на руках.

«Банда»

МЫС ПОГИБИ, 2022 ГОД

Начало поездки задалось просто изумительно, потому как решили ночевать на Горячих Ключах (пос. Даги), а утром двигаться в пос. Вал. С того момента, когда я там был в последний раз, все сильно изменилось. Вместо грязных ям с битыми бутылками – культурные цивилизованные ванночки с подписанными температурами, гостевые комнаты с кухоньками, эдакая цивилизация в тайге, ощущения – просто непередаваемые, особенно с дороги! Домики, конечно, платные, а вот ванночки, на удивление, – нет. Но злые языки утверждают, что скоро все это станет платным, обидно (к слову сказать, один знакомый из гаража говорил, что купаться там невозможно, не езжайте туда, а пересеклись именно там – мы в командировке, он в отпуске. Ну, что за люди?!). Накупались, выспались, собрались, прибыли на Вал. Ждем машину, ее нет, снова нет, уже все время вышло. И вот долгожданная полувахтовка на базе КамАЗа.

Изначально была обещана гусеничная техника. Залезаем мы в это чудо и понимаем, что до места мы не доедем (расстояние небольшое – около 150 км, но по факту ехать день). Не доедем по простой причине: нам прислали техничку, то есть запах ГСМ въелся в салон и в грузовой отсек настолько, что: 1. Продукты после поездки только выкинуть. 2. Вещи в жесткую стирку. 3. Вряд ли глубоко дыша всей этой дрянью, мы доедем сами без отравлений. Самый главный анекдот, что работа, которую мы приехали делать, нужна не нам, она нужна заказчику. И водитель еще весь такой «на шарнирах». Начальник связывается с офисом и пытается объяснить, что машина его не устраивает и что он готов разорвать контракт и уехать обратно. На том конце провода слышится какая-то суета, и даже слышно, как поднимаются пятые точки, которые уже прилипли к креслам. Ненормативная лексика – мол, он же сейчас и правда уедет обратно.

Дозвонились мы в итоге до замгенерального (которого сильно удивило происходящее, то есть местный завгар решил, что нам, «свиньям», и так пойдет), сказал – «ждите».... Не дождались, сказал – «приходите завтра» (с). Возвращаемся на источники – вроде как всего 25 км, но все же... Мне лично купаться уже не хотелось. Поел, завалился спать. По информации, нас должны забрать уже не из Вала, а из Даги (сколько можно туда-сюда бегать.) Машина должна быть в 09:00 у нас. Подъем в 07:30, сбор личных вещей, завтрак, гигиена (и главное, так не хотелось вставать – такой сладкий сон). Все в сборе, время 09:00, машину института, на которой приехали, не отпускаем до последнего, мало ли какое там у них что опять. Время 09:15, 09:30, 09:45... «Так, – командует начальство, – если в 10 часов не будет, грузимся, и обратно в Южный». И вот в 10 часов подъезжает КамАЗ-полувахтовка.

КамаЗ-полувахтовка

Желтенький такой, красивый на вид, залезаем внутрь, «обнюхиваем», тааак, понятно, машина «заточена» под экспатов. Тут нужно пояснить, в кунге врезано евроокно (открывается во всех положениях), имеются ремни безопасности, идеальная чистота, есть люк, есть связь с водителем, стандартный столик посередине, молоточек для стекла, в общем, максимум комфорта и сефети фест. Водитель, такое впечатление, что окончил три института вежливости и две спецшколы погрузочно-разгрузочных работ. А как выяснится позднее, еще и кулинарную школу и курсы по выживанию в тайге. Очень хороший, адекватный попался (скорее, отправили такого) мужик.

Работа

Сама дорога ничего опасного (из окна кунга) из себя не представляла, НО было сухо, был бы дождь, сложно сказать, сколько бы мы добирались до точки. А так 150 км мы спокойно протарахтели за день. Приехали на место, и первое, что бросилось в глаза, это пересечение тропы медведя и оленя – следы (а следов было много). Палатку и шатер поставили, прям на тропу (вариантов больше просто не было, вокруг промоины в пару-тройку человеческих ростов). Убрали свежие экскременты хозяина тайги с дороги и стали разгружаться (нужно отметить, что ночью в сторону лагеря подходила медведица с пестуном, следы были свежие, но, видимо запах топлива их спугнул).

А затем пошли набивать тропу для ночного дрифта. Подъехать прямо к речке было невозможно, а значит, в ночь придется на нее ходить (один из аборигенов перед выездом спросил: «Вы реально ночь на реке стоять будете?». Мы ответили: «Ну, да». Он покрутил у виска пальцем). Ночной дрифт – как же давно я его не стоял. Помню только, что последний раз совпал с землетрясением в Невельске, сейчас загуглил – это был 2007 год. Работа не сложная. Дневной – через сколько-то там, а ночной – каждый час выходишь на речку, суешь в нее сачок, напарник засекает время пять минут, фиксируем, собираемся, уходим, и так каждый час до шести утра. Мне в общем-то жаловаться грех, я сидел на часах, все делал Егор. Напряг лишь в том, что было три дрифта подряд, первые два я еще осилил, а вот третий стояли уже без меня. Была еще ихтиофауна, какая там рыбалка!!!

Рыбалка

Начало как-то не задалось, сплавились почти до устья р. Погиби. Хотя сплавом это назвать сложно, очень закоряженная река, и лодку чаще протаскивали через поваленные деревья и коряги. И за все это

время ни одной поклевки. А добравшись до устья, стали думать, что делать дальше. Дело в том, что на веслах против течения и против коряг – это даже не смешно. Время нашего возвращения оговорено, и если мы не вернемся, нас поедет искать КамАЗ, понятно, что найдет рано или поздно, но тут очень много «но» – идти на движке против коряг вверх? Успеем ли, пройдем ли? Не разминемся ли с КамАЗом. Решились, успели, прошли, пришли ко времени. Досадная мелочь, правда, приключилась: удерживая лодку, что бы она не налетела на корягу, чутка рванул себе ладонь, окропив пайолу красненькой, не сильно – 7–8 см (будет шрамик на память ☺).

А вот потом началось, рыбу на спиннинг ловили все, кто хотел, даже водитель наш, который совсем не рыбак, вытаскивал одну за одной, в пику первому водителю, который приехал за нами на техничке. Тот первый водитель, с которым мы не поехали, потом горько сожалел (оказалось, он заядлый рыбак, но в тех местах не рыбачил). Мне же, говорит, ничего не сказали. Мол, забираешь группу, везешь, куда скажут, командировка 10 дней, первая точка Погиби. Все. Да если бы я знал, да я бы там за свой счет все фейри отдраил...

Но это было не единственное его сожаление, как потом оказалось.

Я работаю туристом

Разговорились мы с нашим водителем – кто чем занимается. Он прямо сказал: «Ребят, вы не представляете, как я на вас сначала матерился. Десять дней!».

– Серег, ну, расскажи про свою работу.

– А чего рассказывать. Берешь супервайзера, и по объектам на сутках, полчаса поспал – и за руль, полчаса поспал – и за руль, и так сутки, иногда двое. У меня переработка за месяц X часов, да деньги огромные, но здоровье-то не как в 25 лет. А тут мне говорят – десять дней! А сейчас вот дошло, я работаю туристом, а мне за это платят. Вы если в следующий раз соберетесь, зовите меня, пожалуйста, я готов даже коком бесплатно подрабатывать. (смеется).

Он даже как-то выпросил спутниковый телефон домой позвонить, так с горки было слышно: «Я устал! Да я тут туристом работаю!». К слову сказать, он даже по собственной инициативе ужин готовил. В общем, очень ему понравилось. Вот такие вот они... разные работы.

Но снова что-то не так

Работа сделана, и нас должна забрать наша конторская машина в оговоренное время, но, увы – нет машин, все заняты. Возвращаемся опять на эти источники, а оно недешево и в планы в таких объемах не входило (но не разворачивать же лагерь на одну ночь). Вечером к нам пришла машина (в гараже разброд и анархия, есть пара водителей, которые просто работают, а есть недовольные, которые подставляют при первой возможности). Эмоции, такие эмоции, но это на контрасте с водителем Сергеем, который просто работает и зарабатывает, не ноет. Путь домой был обычным, за исключением капризов водителя.

РЕКА ОНЕНУСИ, 2023 ГОД

И снова, и снова – и сегодня, и завтра

На «старте»

Что ни говори, как ни описывай, как ни думай, что хватит, а за зиму успеваешь сильно соскучиться по полям. П р и к л ю ч е н и я – как говорит К. (один из любителей «этого интересного»). Тем более, юго-запад Сахалина. Это не какой-нибудь северо-восток, где в августе 0—+2°C – это норма. Это не славный град нефтяников, и даже не Ноглики, где суровые люди ходят босиком. Вспомнилось... Год 1999-й, север Сахалина. ЖД-вокзал в Ногликах, ждем УРАЛ с юга острова. Сижу в легкой штормовке – несмотря на яркое солнце, очень ветрено и холодно. Идут «аборигены», извиняюсь, бабушка с внучкой в легких платьицах и босиком по лужам.

– Тепло сегодня, бабушка.

– Тепло, внученька.

...

Юго-запад Сахалина – это морской еж под ногами, куча видов рыб (а, возможно, даже и паразитов к ним), крабов, креветок и теплая вода,

жаркое солнце. Это все, правда, потом, когда-нибудь, не в середине мая, но надежда сохранялась. Все это потом рухнуло под одиозной речью Л. Дескать, с одной стороны, тут холодноводное пятно Макарова, а с севера – теплое течение, потому все непросто.

Река Оненуси (страшилка для «ками»)

Дело в том, что мы имели возможность лет так восемь-десять назад регулярно отдыхать в тех местах. И поскольку эта поездка представлялась как экстремальная, позволю себе вспомнить пару эпизодов. Почему страх «ками»? Дело в том, что мой друг Л., который уже перерос «шлагбаум» (помните анекдот: поставить сюда шлагбаум или толкового майора?), был тогда счастливым обладателем машины Toyota Cami. Это сейчас он малоэмоциональный владелец 120-го прады. А тогда была «ками». И вот сидим мы, значит, с шашлыками на берегу одной из рек в тех краях, а Toyota Cami уже рвется к нам из города на шашлыки, и Л. салютует нам, что он бы и рад, но одна из рек глубокая для его авто.

Мой друг И. П. неспешно садится в 80-ку, доезжает до реки, цепляем «ками», и ее владелец едва успевает заскочить в салон (не помню, успел он снять с парковки машину или нет), как его авто уже на другом берегу, а изо всех щелей выливается вода. «...едва успевает заскочить в салон...» – тут нужно подробнее. «Ками» – это маленькая машинка, а втискивался туда за руль почти двухметровый гигант во всех пропорциях. (Было довольно занятно наблюдать истошные сигналы машин сзади на перекрестках, когда Л. обучался вождению. Миниатюрная такая машинка, включает аварийку, открывается дверь, а оттуда вытекает детина под два метра, вежливо улыбаясь, направляется к источнику сигнала. Наклоняется и спрашивает: «У вас что-то случилось?»).

В результате этой выходки у Л. там эмоции всякие, дескать, не подводная это лодка, а машина, но это уже не так интересно.

Второй эпизод сводится к тому, что стоянка наша была у неглубокой речушки/ручейка, в километрах десяти на юг – местная достопримечательность гора Коврижка.

И катались через тот ручеек любые легковые машины. Но рано утром мне постучали в окно с просьбой помочь – в этом ручейке застряла машина. Причем, не просто машина, а сафарь на 44 богерах. Вот меня 33-е колесики, а там были 44-е...

Вот такая красота

Готовлюсь к движению по песку (давление скидываем до 1–1,5)

Ручеек за ночь сменил русло, чего-то там произошло, и образовался зыбун. Эти воспоминания накладывали особый, определенный отпечаток на планируемую поездку. ОПАСНО...

Долетели мы бодро, все прошло без проблем, муфта, правда, чутка согрелась, но это мелочи (никак не возьму себя в руки внедрить доп-радиатор АКПП на пряду). Да, камень в одной из рек еще вспомнил по характерному скрежету переднего редуктора. (Отучили меня влетать в воду на полном ходу ☺). В целом, все препятствия, на удивление, прошли легко. Лагерь поставили тоже оперативно, народу было много, и часть сотрудников пошла в море в тот же день ставить АБСку (автономную буйковую станцию). Расположились просто отлично.

Базовый лагерь

Следующий день был штормовым, в этот раз синоптики предсказали погоду правильно. Выходной – это и хорошо, и плохо. Ты предоставлен сам себе. И мы с В. С. пошли гулять по берегу, он – с целью посмотреть, что дарит нам море, а я за компанию. Послушал про его объекты исследований, поговорили про науку. Я узнал интереснейшую историю про термин «лососевая река». В. С. вообще ходячая энциклопедия, умнейший и начитанный человек. А ребята воспользовались моментом и рванули на Коврижку за эмоциями и фото.

Восхождение группы энтузиастов

Но этого некоторым оказалось мало, и когда они вернулись, Д. предложил «покопать». Отправились опробовать металл-детектор (МД). Благо был З. Денис, накачал всяких там карт от РККА до японских. Сначала километров пять на юг до распадка, в котором было отмечено строение. Походили, нашли какой-то мусор в виде алюминиевой банки и решили ретироваться. З. сказал, что мы поедем/пойдем в сторону бывшего японского храма. Сознание почему-то сразу нарисовало как минимум ворота Тории во Взморье, а как максимум школьный павильон на территории Сахалинского областного краеведческого музея. Во, дела, а вдруг там еще никого не было?!

Приключения...

Если бы я знал, что правильнее писать так поедем/ПОЙДЕМ, то до последнего «пробивался» бы по старой японской дороге на машине. Но подумалось, что мы ненадолго. Так что, оставив машину, взяв МД и лопату (воду в пешие походы берут лишь слабаки), мы двинулись в путь по старой японской дороге. Нет, вот тут я обманываю, связать текущий спутниковый снимок со старой японской картой без Интернета – та еще задачка. Шли мы где-то рядом со старой японской дорогой и действительно были бодры. Иногда звучало: «Полпути, почти пришли, осталось чуть-чуть». Но как-то без оптимизма. Очень, правда, смущали следы от квадроциклов. Но, наверное, просто катались, просто в нужном нам направлении, просто совпадение. Наконец, мы выползли на поляну с огромным потрясающим тисом. Мы пришли. Это было очень красиво! Посередине поляны тис (один) явно символично посажен человеком.

Тис

Коп (сленг, но вряд ли мы имеем на него полное право в данном случае) получился так себе. Битая керамика, заботливо сложенные кем-то до нас японские бутылки из-под саке и пива. Но самое «вкусное», судя по всему, уже унесли до нас, причем не единожды. Сама поляна изобилует просто огромным количеством старых аккумуляторов. МД звенит

постоянно. Эдакая поляна бывшего японского храма, усеянная элементами питания примерно на глубине штыка лопаты. То есть ты слышишь сильный сигнал, дисплей показывает все – от алюминия до серебра, и ты выкапываешь потроха аккумулятора (причем, какого-то странного). И так много раз. Нашли запчасти от старой японской печки. Самой интересной находкой было керамическое снаружи и свинцовое внутри грузило (вроде как японское). А вот самой азартной – это лист свинца, свернутый в рулончик, из которого поблескивала монетка. Вот он момент истины – concessionеры, отбросив в сторону лопату и МД, склонили головы над разматываемым листиком свинца в ожидании чуда...

Но нет, показалось! Никакой монетки предыдущий владелец туда не заворачивал.

А вообще, впечатление такое, что в былые времена Союза там была какая-то жизнь в виде сельхозугодий. Старые металлические колеса с массивными спицами, не предусматривающие наличие шин, редуктора, раздаточных коробок. И все это земля забирает себе, лишь иногда напоминая человеку о его деятельности, вознося над землей естественные памятники.

Видя такое, задумываешься, как это дерево поднимало такую железяку над землей. Как царапалась от ветра и заживала кора, как обрелось это инородное тело.

Инородное тело

Д. и К. на обратном пути еще пытались что-то отыскать, я сдался.

Дошагав обратно до машины, теперь уже по старой японской дороге довольно быстро, достали минералку, 1,5 литра воды впиталось организмом, как сухой землей. Но вот ведь какое дело – сейчас, сидя за компом, есть желание повторить тот поход, но уже чуть более подготовленно. Взять с собой рюкзак, воду, собрать те бутылки с иероглифами.

Следующий день был посвящен киданию неводов и спасению нехороших людей. Гуляющая по малообитаемому побережью дама с собачкой, в отсутствие машин вокруг и мужского сопровождения, как бы на-

мекает на просьбу о помощи. Разговор с водителем я не слышал, но суть такова. В одном из ближайших распадков засадили эскудо. Сидят они там ночь, и вроде как надоело уже людям. Принято решение помочь. Ах да, мы же на КамАЗе, кстати, поехали. Собственно, ничего интересного, кроме того что в качестве благодарности нам закинули в машину мешок (настоящий, прям здоровый такой себе мешок) черемши. Ну, закинули и закинули. Подъехав к следующему месту кидания невода, обнаружилось, что черемша та выдрана с корнями. Эмоции не выразил только ленивый, а кое-кто предложил даже вернуться. Рыбу половили, а вечером я даже кой-чего вскрыл.

За работой

Как приятно заболеть – будут все тебя жалеть (с)

Погода рабочая, в семь утра все уже на ногах, но вот – незадача. Ночью поднялась температура, ворочался в мокрой одежде, потому как переодеться в сухое часа в три ночи с осознанием того, что нужно вылезти из спальника, разобрать рюкзак, найти сухое, переодеться в него, – это больше, чем подвиг.

Утром я еще подумывал, что пойду в море, но нет, слишком уж плохое самочувствие. Вообще кроме болезни было еще неприятное ощущение от того, что в море не ходил, скат не стоял, невода не кидал, дров не рубил, воды не таскал. Вот что я сделал? Но плохое самочувствие не оставляло этим мыслям никаких шансов, да и заявлялся я в эту поездку как «транспорт». Наутро (на день раньше заявленного) я поехал домой, прихватив с собой водолаза, который, к слову сказать, отнырял, но тоже слег.

Как же хорошо болеть дома, а не в машине. Это же удовольствие какое-то! Удобная кровать, одеяло, горячий чай, ТВ, туалет рядом. Да, 48 удовольствий! Но со временем и к этому привыкаешь, и хочется поскорее выздороветь. Чтобы опять и снова поехать в лес.

ОЗЕРО БОЛОНЬ, 2023 ГОД

Сборы

Подготовка к этой экспедиции в Болоньский заповедник началась почти за год до ее осуществления. Но хотелось бы оставить за кулисами все эти звонки сверху донизу, договоренности и логистики, а начать, когда уже все случилось и билеты куплены. Главной особенностью этой поездки является тот факт, что в подобные я еще не ездил. Обычно либо сам за рулем и берешь даже то, что может и не понадобиться, по принципу место позволяет – пусть будет. В данном случае есть ряд ограничений, маршрут пролегал следующим образом: самолет Южно-Сахалинск – Хабаровск, ЖД вокзал Хабаровск – ст. Болонь и далее на авто до станции ПХС (пожарно-химическая станция).

То есть багаж уже ограничен самолетом, начинается дистанционный тетрис – кто что берет. Основную часть моего багажа занимают невод и ползунки (забродники), но никак не лезет несколько комплектов сухой одежды, мембранка и еще куча всего. Звоню коллеге-учителю-другу, и он в саркастичной манере объясняет, что это пресный спокойный водоем, а то и вовсе старицы. Не доверяю, но деваться особо некуда. Мой опыт отталкивается от прибрежных экспедиций, и словосочетание «будет спокойно» разрывает шаблон.

Но так ли иначе самое необходимое из самого важного выделено, и рюкзачок готов.

Здравствуй, Хабаровск!

Меня встречают полусонные ребята, которые уже практически освоились. Коллеги прилетели раньше из Москвы. Смена часовых поясов сказывается, но держатся молодцами. Сдали мой багаж в хранилище и пошли (понравилось мне словосочетание «в экскурсионных целях» – по городу). Я, правда, как самый лентяй постоянно порывался заказать такси. Как-то не очень верилось, что тут все рядом. Описывать особо нечего, разве что жару. И купание в июне для меня – это, конечно, дикость. Так что лучше один раз увидеть.

Все, что я хочу, не вписывается

Пляж в Хабаровске, июнь

Джуен...

Загрузившись в поезд, мы отправились навстречу приключениям. Как говорит К., «я так люблю неопределенность в поездках, это же приключения!». Ну, не знаю, не знаю. Попробую передать. Прибываем мы в Болонь в 03:16 или 03:18, уж не вспомню. Там нас должны встретить и отвезти на базу ПХС (пос. Джуен), дорога не длинная – что-то около 10 км. Выгружаемся, и нас встречает туман. Это не имя, не прозвище, это густой туман, в котором ничего не видно, и еще как-то мокро все, темно и невесело. Воображение у меня хорошее, и сразу рисуется фильм ужасов, незнакомое место, густой туман, а вокруг ни души и только поезд рядом, дверь в который уже закрыта, но он еще стоит. В общем, остались на пустом перроне в густом тумане три человека. А мысли, знаете ли, разные...

И тут из тумана прорисовывается силуэт, пока непонятно, он идет к нам или просто гуляет. Ну, вдруг? Вот еще бензопилу бы ему али дро-

бовик для антуража. Поздоровались, оказался водитель, которому и поручили нас встретить. Приезжаем на базу, а там уже чайник горячий, пироги, булочки, теплый, насколько возможно в четыре утра, прием. Далее рассуждения о том, что уже лучше и не ложиться вовсе, однако, прогулявшись до берега и обратно, мы дружно задряхли на несколько часов. Ах, да, одна из четырех шконок была уже занята «чутко спящей» корреспонденткой (К.). Вечером этого дня на базе ПХС:

К.:

– Я сплю очень чутко, но если не проснусь, разбудите меня, как приедут ребята.

Начальник ПХС, Егор (Е.):

– Конечно.

Но, видать, обманул классик «...У девушек сон утренний так тонок...», и в четыре утра корреспондентка просыпаться не стала.

О том, что у нас СМИ, я узнал случайно, перед сном от Е., спасибо ему, что предупредил о занятой шконке.

Утро, если можно так его назвать, началось со знакомства на веранде под кофе.

К. деловито осведомилась, кто у нас старший (мы кивнули на Серegu – С. Г.), и выдала:

– Давайте вы мне сейчас сразу все расскажете, и ушла (за диктофоном).

С. Г.:

– Это кто?

– Пресса... (почему-то вспомнился фильм «Кавказская пленница»).

После монолога С. Г. ему был задан вопрос:

– А кому это вообще все нужно, какая от этого польза?

Ответ я пока опущу.

Перед тем как начать работу, решили ознакомиться с дислокацией и прогуляться до местного магазина. Главным образом за продуктами, потому как чужие припасы восполнить было нужно. Обыкновенный сельский магазин, интересная, правда, была система расчета. Для этого использовались счеты (особо не удивлен, у нас на северах сплошь и рядом) и терминал. Счеты и терминал! И само собой, пока мы дефилировали по поселку, во всех щелях заборов можно было увидеть глаза. И вот еще что, дети здороваются с незнакомыми людьми, что поразительно.

Работа

Собственно, мои функции были ограничены обловами. МБС мне не влез в багаж. Менять руки/глаза вроде бы нужды не было, да и смысла особого, только портить (когда вскрывает один и тот же человек, да еще свой объект, оно разумнее, если, конечно, у него не два ведра рыбы в два часа ночи). А постоянно отвлекать: «Серег, глянь», – ну совсем не то.

Наши «дом»

Спальные места

Вообще в этой экспедиции вскрывалось все, что плавает, летает и даже ползает.

Просто пейзаж

Сбор червей

За работой

Особый шарм в работу добавило вскрытие в номере гостиницы. Как тут не вспомнить историю Л. В. Тихоновой о В. Н. Шпилько. Она рассказывала, как он запустил в ванну номера рыб, закинул аэратор и неспешно их вскрывал. Вроде бы ничего такого, но что-то мне подсказывает, что персонал гостиницы в СССР такой подход, что характерно, не одобрил бы. Ну, – это ничего, про Комсомольск-на-Амуре еще будет. Поскольку работой я нагружен не был, слонялся, общаясь с водителем, начальником ПХС и корреспонденткой. Егор в это время затевал «шарабан». Задав вопрос, что это, я почувствовал на себе такой недоумевающий взгляд, красноречивее было только в Мурманске, когда мы с Сергеем В. зашли в местный рыбный магазин и спросили, увидев этикетку:

– А что такое путасу?
На что продавщица ответила:
– Как??? Вы не знаете, что такое путасу???

Оставалось стоять, потупив взор, хотя на языке вертелось:

– Как?! Вы не сможете отличить камчатского краба от синего?

Шарабан – местное название блюда, приготовленного из рыбы на углях в фольге в металлической емкости.

Шарабан

Работа

Про обловы. Очень топкий берег, чем-то похоже на северные реки Сахалина. Подходя к берегу, хорошо, если по щиколотку проваливаешься, в воде – уже по колено. В общем-то сносно, если не стоять долго на одном месте. Неводок для «луж» пойдет, для побережья нужно сильно подгружать, и не факт, что сработает. Второй счастливый участник та-скания невода в лице Сереги В. отличался тягой к купаниям – жарко было очень, рискну предположить, что дело было именно в этом. Просто так в лужу как бы не упадешь, а тут вроде и повод, споткнулся – и раз, в воде. Освежился, и дальше за работу. План «минимум» был реализован довольно быстро, и нам пообещали один из кордонов заповедника Болонь.

Кордон контрастов

Сотрудников забрасывают туда на одну-две недели. Обычно они сначала запускают дрон, осматриваются и уже при необходимости выезжают на место. Штатная работа инспектора.

Вот сидят себе три-четыре человека на кордоне, занимаются своими делами. И тут сверху указ – мол, ученые из Москвы прибыли, нужно доставить на базу и всячески способствовать. Вот тут, пожалуй, я бы вставил свои пять копеек. Дело в том, что название «комплексная экспедиция» несколько нивелировало бы восприятие у простых аборигенов. Нет, я не имею ничего против столицы нашей Родины, но в глухих селениях к ней относятся с особым трепетом, что сразу сказывается на отношении.

Подходит к берегу дюралевая лодка, под двигателем ямаха (50), грузимся и идем. Настроение в лодке такое, что какого черта вы туда претесь и вообще отвлекаете нас от дел. Впрочем, это настроение очень быстро переросло в действие. Лодочник взял курс прямо на кордон, напроць игнорируя фарватеры и каналы, по которым изящно носятся местные. Этот переход был под девизом одного слова – «толкаемся».

Когда ты идешь поперек фарватера или каналов, ты неизбежно садишься на мель, причем много раз. Команда «толкаемся» означает, что часть людей выпрыгивает из лодки и работает бурлаками. По топкому дну – то еще удовольствие. И опять не могу обойтись без параллелей. Фильм «Иван Бровкин на целине», эпизод, когда он встречает маманю и ломается машина. Выждав нужное время, водитель просто говорит: «Все, Иван, поехали». Вот и тут что-то очень похожее. Прибыли мы на тот кордон – сплошь контрасты. Полуразваленный сарай, но с солнечными батареями, убогость внутри, но наличие коптера для облетов территории.

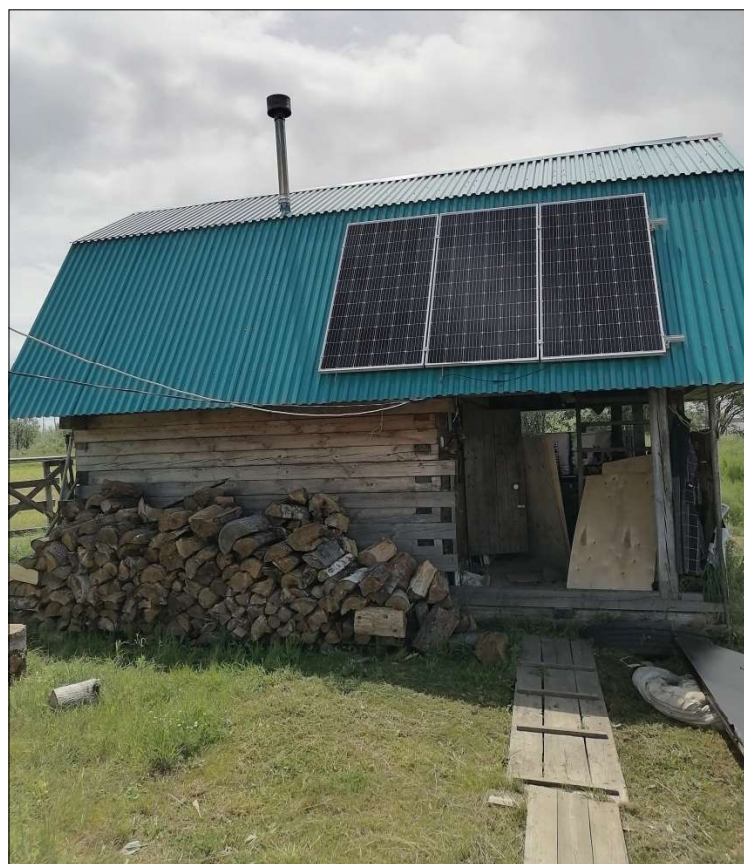
Парни поработали, я пытался пообщаться с местными. Понятно, что ничего они нам не должны, ну хотя бы бутерброд. Злые и угрюмые... Примерное представление было, куда приедем, так что с «презентом»

мы угадали, по этому случаю нас худо-бедно покормили и, что характерно, обратно мы практически не «толкались». Что как бы намекает – так можно было? Хотя движок грели они безбожно.

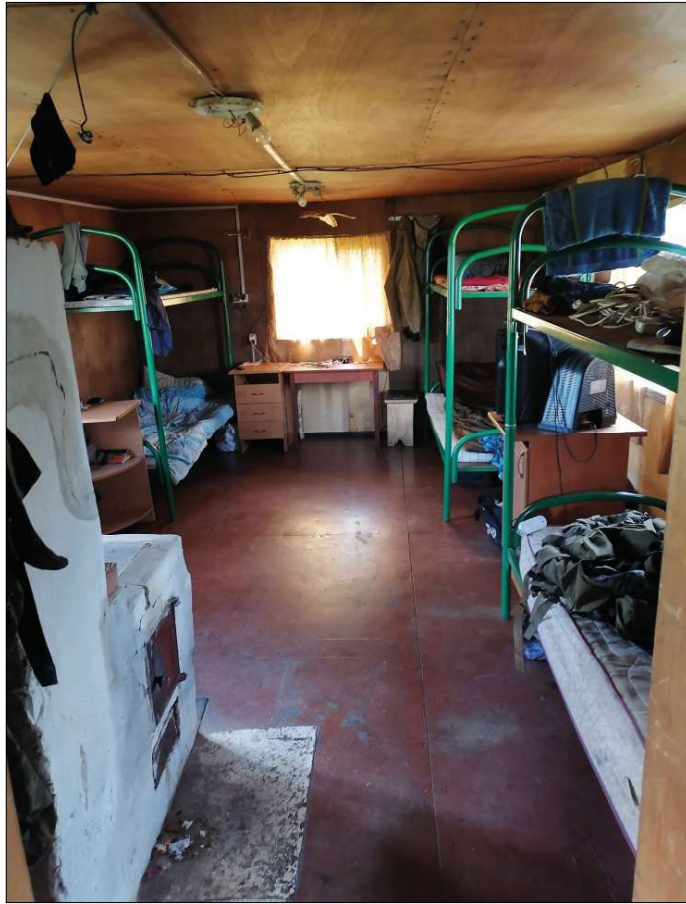
Быт поселка

Как нам объяснили, коренное население – нанайцы. Правда, чистокровных уже нет, все смешалось. Особенности? Да, наверное, как и везде, где есть рыбалка, кто-то что-то зарабатывает, а кто-то предпочитает огненную воду. Хотя побережье все в лодках, движки с них на ночь никто не снимает, удочки, спиннинги, катушки тут же. Чужие тут не ходят. Да и мы сами-то до магазина в первый день еще не дошли, как на ПХС уже кто-то из местных позвонил и спросил, что за люди в поселке.

Кстати, вот история из уст местных. Два нанайца что-то не поделили, но у одного из них оказался кинжал в нужное время. В итоге – труп. Приезжает оперативная группа полиции, а они уже всем поселком собрались, труп закопали, сидят поминают.

Солнечная панель на крыше

Шестиместный «номер»

Была баня, уж не знаю, насколько она нанайская, но каменки нет, задача просто смыть грязь в тепле. Когда мыться негде, оно, конечно, здорово, но без камней как-то непривычно.

Комсомольск-на-Амуре (Комса)

По поводу названий городов – небольшое отступление. С удивлением узнал что, например, коренные жители Владивостока не зовут его «Владиком». В то время как местные сокращают свой Комсомольск-на-Амуре до «Комсы», а жители Южно-Сахалинска совершенно не смущаются называть свой город «Южный», а раньше он был еще и «Вьюжным».

И ладно, у всех свои причуды, за несколько дней до окончания нашей кампании становится очевидным, что остается время, и можно посетить Комсомольск-на-Амуре. Вот в гостинце этого города и была развернута

паразитологическая лаборатория. А мне пришлось написать небольшой опус для конторы о своих похождениях. Небольшая обзорная экскурсия, а на следующий день наши пути несколько разошлись.

Узнав, что рядом располагается Экспоцентр Сухого, я направился туда, ребята предпочли поездку в заповедник «Комсомольский».

Южный встретил меня сюрпризом в виде открывшегося нового аэропорта, извиняюсь, аэровокзала.

В целом, хотелось бы сказать, что поездка мне очень понравилась. Совершенно иной опыт, другая плоскость, и вообще ничего общего с нашими полями, просто другое.

После монолога С. Г. ему был задан вопрос:

– А кому это вообще все нужно, какая от этого польза?

– Да какая там польза – никакой.

Корреспондент прислала нам свое творение, но после того когда мы прочитали, пришлось все переделывать. Потому что среди прочего «на голубом глазу» было написано: «Как признаются сами ученые, толку (пользы) от их работы для общества никакой». Нет, ну, в каком-то смысле оно так, но, согласитесь, что можно и по-другому сказать.

Фундаментальная наука не дает каких-либо мгновенных «плюшек», это работа на перспективу, которая по законам диалектики со временем перейдет из количества в качество.

Одним из результатов поездки стала работа:

Sokolov S. G., Shchenkov S. V., Frolov E. V., Vlasenkov S. A. A new aberrant species of the genus *Sphaerostoma* (Trematoda: Opencolidae) from the Amur River basin // *Zoological Systematics*. – 2024. – Vol. 49, No. 4. – P. 352–360.

РЕКА АБРАМОВКА, 2024 ГОД

Это была сама странная экспедиция. Ихтиологи поехали по своим задачам, я, как обычно, – за глистами. Точнее, за одним конкретным глистом щуки. Часть материала уже была собрана из озер Сладкое и Невское, хотелось посмотреть этого паразита у щуки тех мест. Началось все довольно грустно, потому как в поисках поляны мы сразу «засаживали» КамАЗ. Поддавшись эмоциям водителя, я размотал лебедку и довольно быстро ее спалил. Нет, в теории это было реально, тем более что КамАЗ на тот момент не сидел на мостах, а просто «гальмовал», и сделать нужно было следующее: поставить его на нейтралку, извлечь из кабины водителя и постараться (через блок!) потихоньку его выкатить. Но водитель из кабины извлечен не был, а, наоборот, стал мне «помогать», нагружая лебедку.

Печальное начало, но сам виноват. В итоге, мы оставили водителя в машине до утра, а сами пошли ставить лагерь на базе КНС. Было много шуму по этому поводу со стороны водителя, мол, давайте все вместе будем копать... Но здравый смысл рисовал примерно следующее: водителю и машине никто и ничто не угрожает. Ночь он вполне может провести в кабине. А вот остальной коллектив, может, и раскопает к глубокой ночи машину, но останется ночью без крыши над головой, на сухом пайке и, мягко говоря, очень устанет. Так что, несмотря на все протесты, двинулись ставить палатки, предвкушая оказаться в царстве Морфея (во всяком случае, мы с волонтером).

В этот раз решили обойтись шатром, и это было роковой ошибкой. Комары нам желали «приятных снов» всю ночь. С комарами я давно знаком, их даже люблю по-своему. Но эта ночь была просто «волшебной». Легли мы спать в шатер под мелодичный приятный такой писк. С интервалом минут в пятнадцать мы открывали глаза, смотрели друг на друга и улыбались. Где-то к четырем утра я предпринял совершенно нелепую попытку раскрыться полностью в надежде на то, что они покушают и успокоятся. Они поели, от пуза так поели, но, видимо, позвали сотоварищей, которые были за шатром, и ситуация не изменилась. Поспать в эту ночь так и не удалось.

Что-то всегда идет не по плану, когда лагерь ставится спешно и наобум. Это, пожалуй, самое яркое впечатление от поездки. Потом достали КамАЗ, парни выполнили свою работу, и мы двинулись домой. С концептуальной, «глистологической» точки зрения, поездка прошла впустую. Хотя позднее парни и привезли мне фиксированный материал, и я даже нашел один экземпляр того, что мне так было нужно, но к тому времени уже все получилось по двум точкам. Так или иначе, но рукопись с описанием нового вида – в печати:

Atopkin D. M., Ivashko Y. I., Besprozvannykh V. V., Frolov E., Urabe M., Voropaeva E., Sokolov S. G. Phylogeny of Palaearctic *Azygia* spp. (Trematoda: Azygiidae) and description of *Azygia shedkoae* sp. n.

ВОЛОНТЕРУ «СахНИРО»

**«Ну, что ж, тот, кто любит, должен разделять
участь того, кого он любит» (с)**

Так случилось, что в 2020 году контора обрела волонтера – любительницу приключений и путешествий. Вначале волонтер хотела просто посмотреть на мою работу – нормальное женское любопытство. Потом втянулась. Нужно сказать, что это мой ЛЮБИМЫЙ волонтер. И на первых порах ее уделом была полевая кухня. Завтрак, обед, ужин для всех участников экспедиции.

Завтрак

Были у меня некие опасения, все же семейный подряд – дело тонкое. Но после нескольких выездов стало очевидно, что всех все устраивает. Внештатный повар – а повар она просто отличный! Есть даже некая в этом беда (массой под 100 кг), но это лично. Начиная поваром, волонтер открыла в себе массу других талантов. Она в состоянии сменить меня за рулем и «отмахать» по маршруту Южно-Сахалинск – Ноглики за день (хотя и очень неуютно чувствует себя за рулем этой машины).

Волонтер ~~норовит заглянуть~~ ~~езде~~, проявляя искренний интерес к происходящему, легко может «посидеть на пере», помочь разобрать сети. Кроме этого, волонтер постоянно совершенствует свои навыки в различных областях науки. Однако главным увлечением волонтера стал интерес к особенностям коммуникации некоторых видов рыб.

Лучший пилот Прадо

На «пере»

Разбор сетей

В свете вышесказанного хочу выразить глубокую благодарность волонтеру с занесением в личное семейное дело за всестороннюю помощь и поддержку.

РАЗНОЕ

А давайте объявим ЧС

«Столько у нас органов, а трех человек
поймать не могут. Не могут,
Лаврентий, или не хотят?» (с)

Когда-то давно, так давно, что уже и неинтересно, всевозможные совещания/собрания/селекторы и т. п. в правительстве области, МЧС, СКТУ были обычным делом. А давеча нужно было на письмо ответить. Суть такова: выбросило кита на берег, лежит, разлагается, жителей «радует», вот муниципалитет и разослал всем «желающим» поучаствовать в устранении этих запахов. Я ответил, что контора не занимается утилизацией трупов. Вроде бы и все. Но! Пятница, в планах школьникам про паразитов рассказать и предвкушать выходные. Заходит начальство и говорит:

– Женя, тут совещание сегодня в 16 часов МЧС организовывает, сходи.

– А я там что делать-то буду?

– Замдир сказал, что нужно сходить, ответ ты ж писал.

Есть на всех официальных письмах мелким таким шрифтом, как в банках, когда кредит берешь, особые специальные пояснения, сколько ты на самом деле платить будешь, слово «исполнитель». Так вот, в случае любых вопросов – все к исполнителю. Спускаюсь к замдиру.

– Какова наша роль, я-то («главный китолог») там зачем?

– Невежливо отказывать МЧС, посидишь, послушаешь, потом доложишь.

– Ясно.

– Спасибо.

Пришел, представился, познакомился. Пока не началось, звоню старому другу (спец по китам на Сахалине) примерно узнать, что за кит, как часто такое бывает на севере, как решают проблему. А люди, которые пришли пораньше, уже начинают меня окружать, подслушивать. Я не против, но столько уж о том, что творится на местах, и говорили, и писали про чиновников. Хотя справедливости ради нужно сказать, что это совещание меня очень поразило тем, как действительно, «без игрушек», модератор публично распекал начальников ведомств. Не скупился на выражения, даже мне прилетело. Вот, значит, окружившие и спрашивают:

– Поделитесь информацией до начала совещания?

– Да нечем особо, вид не краснокнижный, на севере это событие не редкость. Находят, докладывают в муниципалитет, на этом все и заканчивается.

– Ясно, вот и тут непонятно пока, кто убирать будет.

Народу собралось человек двадцать (все руководители и представители): от МЧС целых два полковника, природоохранный прокурор и много всяких надзоров, управлений управлениями, начальник порта, мэр...

Началось...

– Здравствуйте, бла-бла-бла. Иван Иванович, доложите обстановку.

– ...лежит, воняет, раздувается уже (у крупных морских млекопитающих есть такая особенность, он сначала раздувается, а потом взрывается).

Далее дают слово присутствующим, и общий вывод такой: если труп животного в воде, убирать должно одно ведомство, если на суше, то другое. В прилив труп в воде, в отлив на суше. Ну как вот тут решить, за чей счет? Но это не все, как только в водоохранную зону зайдет техника (а кит – это не горбуша), мгновенно «накладут» штраф.

– Тащ прокурор, это верно?

– Да, так и будет.

– Так, понятно, почему «СахНИРО» молчит?

– Мы изложили свою позицию в письменном виде, она не изменилась.

– Так! Что за формализм?! (и главное, с наездом таким, будто я лично того кита туда положил и газами накачал). Вспомнился сразу мой опыт общения с журналистами по Фукусиме, которые переврали все так, что чуть ли не я то цунами вызвал.

Отвечаю:

– При всем уважении, мы не можем включить в задачи НИИ утилизацию трупов.

– Вы выезжали туда?!

– Нет, нас туда никто не звал.

– А телевизор вы, что, не смотрите?!

– Персонально я – нет.

– Так, ладно с «СахНИРО» все понятно, не их это дело. А вот почему ведомства заняли такую позицию, давайте разбираться.

– Если у меня дома сдохла собака, то убираю ее я!!!

– Какого черта мы собираем целый штаб для решения этой проблемы?! Что за ерунда?!

Далее трем ведомствам дается довольно эмоциональный втык. При чем ответы вроде «это не мне убирать» (началось собрание именно с таких ответов) уже не принимаются. Пошел конструктив. И тут голос из зала от терроргана:

– А давайте ЧС объявим.

Вот тут модератор взорвался:

– Вы очумели?! У МЧС дел других нет, что ли?!

В виде сухого остатка договорились, что все надзорные органы подписут согласие на необходимые работы, назначили крайнего для уборки, но вот как это будет реализовано на практике, мне так и не стало понятным.

ПРИЕМ ИНОСТРАНЦЕВ, БАНЯ...

Вот, казалось бы, при чем тут баня, аи неет

Был у меня и представительский опыт. То есть к нам в гости прилетают иностранные коллеги, мы – принимающая сторона. Все вроде бы стандартно: рестораны, музеи, рынки, посиделки, конференция. Но нужно чем-то удивить (вообще люблю сюрпризы и сам делать, и испытывать неожиданные положительные эмоции, как и все, наверное). Так вот, предварительно все подготовил с подачи, кстати, Д. А. (за что ему спасибо!). Есть такая база, где обучают дайверов, а при базе – отличная русская баня. За рюмкой чая в ресторане интересуюсь, не желали бы иностранные коллеги попариться в настоящей русской бане. Это – для большинства русских людей баня раз в неделю почти святое занятие. Даже классик спел на эту тему:

*«...Нужно выпороть веником душу,
Нужно выпарить смрад из нее...» (с)*

Но для иностранцев баня – это нечто, даже не знаю, как передать те слова, но если грубо, то «внушают опасение люди, которые закрываются в темном жарком помещении и хлещут друг друга разными кустами растений». У меня все готово (точнее, у людей, с кем договаривались), осталось уломать иностранных коллег попробовать. Но они, как назло, улыбаются, головами кивают, но никак не соглашаются на сие действие. Такое впечатление, что в тебе какого-то извращенца видят со всеми вытекающими. А мне нужно точно знать, мне эти ужимки ни к чему. Людям там готовить ли вкусняшки на прием, топить ли баню (чай, не пять минут времени).

Вот, говорю, один из ваших приезжал к нам лет десять назад, ему предлагали баню, отказался. Потом десять лет жалел. Через десять лет только попробовал и долго сокрушался. Называется, естественно, имя того человека (они его, само собой, знают). В общем, собравшись с духом, все трое (среди них одна дама) говорят «я согласная».

Стол, морские гады и т. п., описывать не буду, все вкусно, все на уровне. Уж чего-чего, а гостей принимать мы умеем. Баня незнакомая, мне показали там всякие задвижки, краники и где что лежит. Хм, вот, правда, святая святых, в каждой бане свои законы, есть, конечно, общий, пар–веник–холодная вода, но в каждой бане свои особенности. Собственно, само священнодействие. Захожу сам, завожу двух иностранных коллег. Первое их недоумение, что раздеваемся мы догола. Ах, да, переводчица осталась снаружи (в предбаннике) со всей остальной делегацией, благо, предварительно вроде все перевела, что им делать-то нужно. А нужно им самую малость – просто стоять и терпеть мое «обхаживание» веником.

Парю, а сам поглядываю, а ну как в обморок брякнется с непривычки. Ну, так интуитивно чую, что хорош ему уже, покраснел весь, зубки сжал, но терпит. Показываю жестами, мол, иди за дверь, и опять же жестами, что вода там – облиться нужно. Берусь за второго (когда паришь кого-то, сам тоже хорошо так греешься, но тут нельзя лицом в грязь ударить, тоже терплю), выходим. А тот бедолага, который первый, стоит у бочки с ледяной водой, набирает в свои ладошки той водички и себе на макушечку так плюк-плюк. Не говорю, про себя думаю, так не пойдет, не хватало еще, что бы вы у меня тут... Беру ведро, наливаю ледяной воды и выливаю на него... Я, как-то не подумал, что нужно было предупредить. Что уж теперь, не звать же переводчицу к голым мужикам за каждым разом.

В общем, вопль был похож на..., с чем бы сравнить? В фильме «Калина красная» там тоже баня была, ток там кипятком обдали. Прямо очень похоже, и набор всяких слов в придачу – я их, правда, не понял. Но за столом в предбаннике начался переполох и крики.

– Женья! У вас там все нормально?!

– Да все хорошо.

В виде сухого остатка понравилось им это действие так, что они потом сами веником парились и выбегали в простынях на улицу. Водой, правда, не обливались, но для первого знакомства с Русской Баней и так сойдет. Воспользовался и я моментом, ибо люблю это дело, но чую, пару мне не хватает. Я к хозяину – мол, так, и так.

– Женья, да ты чего, ты не тот краник крутишь!

Тут водолазы парятся (водолазы – это самые выносливые и самые-самые люди в мире), тем более на дайверской базе, чего ж я хотел-то. Был бы в бане на буровой, были бы бурильщики. Краник нужный я нашел и в удовольствии себе не отказывал. Но дело не в этом.

Все оставшееся время пребывания в гостях у конторы, те иностранцы ходили и приговаривали «банья-банья», показывая большой палец вверх. А на следующий год приехала другая партия «туристов», и вот ведь черти нашли меня в конторе и спрашивали про банью, но в тот раз уже ни я, ни Д. А. к организации процесса встречи отношения не имели.

ГЛАВНЫЙ РЫБАК

Во исполнение приказа 1020... Именно такими словами раньше начинался рапорт для предоставления транспорта. Дело в том, что одним из способов сбора материала была обычная любительская рыбалка. В рапорте обычно указывалась цель – транспортировка проб. Но перед тем как рассказать эту историю, хочется описать водителя, с которым мы поехали за пробами. Юра, один из самых главных рыбаков «СахНИРО». Как там в песне:

*«Я увлекаюсь спортивной рыбалкой.
Ловлю я рыбу даже в дождь, жару и снег.
И не отвадишь от рыбалки даже палкой.
Люблю рыбалку как спортсмен, как человек».*

Юра даже отпуск берет зимой, когда идет активный любительский лов корюшки.

Ну, так вот, везет нас Юра на реку Найба за пробами. Приехали, достаем удочки, зимние сапоги, рюкзаки, стульчики...

И вот тут у Юры на лице выражается такая боль всех рыбаков Сахалина, что передать ее словами просто невозможно.

– Мы что, на рыбалку приехали?! Вы же в рапорте писали «транспортировка проб»!!!

То есть картина такая: РЫБАК приехал на зимнюю рыбалку в легкой одежде, без наживки. Да, ладно там наживка – без удочки!

Пробурили лунки, и Володя (второй сотрудник) выбирает самую никчемную удочку и отдает ее Юре (нужно помогать людям в трудной ситуации). Сидим, общаемся, клева нет. Но тут наступает торжество рыбацкой справедливости! Дело в том, что один из нас троих начинает шевелиться, повернувшись спиной. Факт в том, что мы на лунки просто смотрим, а Юра сидит напротив нас и достает оттуда рыбу. Причем, активность лова возрастает. Володя какое-то время терпит все это, а потом говорит, что он погорячился с удочкой, и просит вернуть ему счастливую, самую удачную и уловистую удочку. Юре отдает другую.

Но при смене удочек ничего не меняется. Володя очень эмоционально характеризует происходящее с помощью местных идиоматических выражений. Причем не только ситуацию в целом, но и Юру, которому просто повезло пробурить лунку в нужном месте. Время идет, надежда на то, что рыба подойдет к нашим лункам, начинает нас покидать. И Володя из спортивного интереса предлагает поменяться лунками с Юрой. Не корысти ради. Просто, чтобы доказать, что рыбалка – это случай, это вчера и завтра, это везение в конце концов! В такие моменты всегда интересно, как это работает, какие рыбные боги включаются в этот процесс. И вообще – КАК?

Юра меняется с Володей лунками, но продолжает раздражать окружающих ловить рыбу! Поймали и мы по паре-тройке наваг, но Юра обловил нас с Володей во много раз. Все же есть в настоящих Рыбаках что-то такое – неведомое, приносящее удачу.

Ю. Г. Толмашенко

ТЕХОСМОТР, КАЗАЛОСЬ БЫ...

Что такое техосмотр (ТО), знают даже те, у кого нет автомобиля. А вот про ТО для лодки и двигателя знают, наверное, лишь обладатели.

Но это ладно, это все решаемо. Началась эта история примерно в 20:15 в понедельник 20.06.2022 года. Звонок:

– Жень, тут вот какое дело, лодка пластиковая (работали на р. Островка), и движка к ней, ну, ты ж ходил на ней.

– Ну? (уже чуя подвох из-за звонка в нерабочее время и по такому вопросу).

– В общем, расклад такой, нужно завтра все это добро везти в ГИМС (Государственная инспекция по маломерным судам) на ТО, потому что договориться смогли только на завтра.

Тут нужно сделать отступление. Дело в том, что в связи с новыми правилами на Сахалине есть только одна точка, где можно пройти ТО, и никому не интересно, живешь ты в Южном или в Охе (примерно 1 000 км от места прохождения ТО). В этой связи ближайшая дата прохождения ТО по записи – это примерно сентябрь... А лодка эта никому уже четыре года не нужна (это лодка морского базирования, то есть у пирса или вторым бортом, хранится за ненадобностью в контейнере на территории), а тут «стреляет» хороший контракт, денег на ней «СахНИРО» может заработать. То есть нужно срочно и вчера.

– От меня-то что требуется?

– Да просто контакты человека, в чьем контейнере двигатель хранится.

– Хорошо. Сейчас скину.

Через 10 минут звонок:

– Жень, ты же знаком с движкой, сможешь на работу пораньше на час, ну, там масло залить, подготовить ее (а движок не простой, четыре такта и транспортировка только в лежачем положении, то есть сливаешь масло, везешь в точку, потом заливаешь масло, и весит она столько, что лишь кран-балкой, и брать капризный и отвратительный двигатель).

Так – начинается, мелькнуло в голове...

– Ну, хорошо буду пораньше, что вспомню, расскажу, да и мануал где-то был.

– Ключи будут на вахте, хозяин контейнера сказал отдать только тебе (дескать, доверяет, что гвоздя не возьмешь).

– Принято.

07:45 (выработалась черта после определенной должности и пары критичных опозданий приходиться раньше заявленного времени). Открыл контейнер, почитал мануал, посмотрел на движку – вот, собственно, и все действия. Заливать масло все равно нужно уже на месте, вертикально мы его только один раз возили. Сейчас мы его повезем горизонтально.

Стоп, почему мы??? Никакого «мы» еще не случилось, я должен только рассказать про двигатель.

Дальше начинается квест. Когда старт с утра не задался, весь день будет «весело». Первое, на что упирается взгляд, это номер лодки.

– Ребят, а ничего что ТО не пройдем? Сейчас загрузим лодку в кран-балку, двигатель, приедем и не пройдем.

– Почему?

– На номер глянь!

Если коротко, то номер не соответствует тому, который в документах. И начались групповые танцы с бубнами: старое стирают, новое наносят.

– Ребят, тут как бы еще проблема есть, вы движок не запустите на ТО.

– Фролов!!! Что еще?!

– Вы питание к движку как цеплять собираетесь? И еще, без бензина он не запустится, бак бы залить.

Есть такая штучка, на аккумулятор цепляется, клемма называется, можно и по пути купить, но беда в том, что в 10:30 мы должны быть уже на базе МЧС (недалеко, 40 км, но уже время поджидает).

– Жек, давай с «Прадика» (личная «заряженная» тачка) снимем.

– Хорошо.

Повозился, скинул, накинул на свой же аккумулятор. Выходит коллега на перекур.

– Жень, это ты свое на ТО отдаешь?

– Ну, да.

– Совсем одурели?...

– Согласен, неправильно, но время, суета, срочно.

Вообще, в последнее время, когда накрывает истеричная суета, стараюсь, наоборот, остановиться, оглядеться, потратить какое-то время на то, чтобы сбить ритм, все обдумать и принять верное решение. Но когда суета коллективная, это сделать сложно – срабатывает стадное чувство...

Сборы окончены, загружают лодку в кран-балку, следом двигатель, и на двух машинах выдвигаемся.

– Все? Да нет, не все.

Подходит ко мне старшой и говорит:

– Жень, скатайся, пожалуйста, с парнями.

Ну вот, приехали... «Скатайся, пожалуйста» означает, что едешь старшим, все проконтролировать, помочь и выдать результат.

– Хорошо, давай мне З., и я съезжу.

Д. – это не просто друг, это уникальный человек в институте, кроме прочих достоинств у него есть ДВА ОСОБО ВАЖНЫХ:

1. Д.: «Ты не сможешь это сделать». После этих слов задача решается на 100% (таким образом на мой сенсорно-кнопочный телефон был установлен ватсап (о'кей-гул утверждал, что это невозможно)).

2. Человека безумно любит техника, особенно лодочные моторы (я в свое время тоже как-то на Honda CR-V двигатель сам перебирал, но Д. в лодочных движках – просто гений).

Вот теперь вроде и собрались.

– Д., тут нужно Жеке помочь.

– Какие задачи?

– Да, ерунда, помочь масло слить/залить.

– Да, не вопрос, сейчас переоденусь.

Сборы закончены, время 10:25, выдвигаемся (то есть априори опоздали). Но вроде как договоренность есть, потому как нас даже нет в официальном графике приема (есть у нас один человек с возможностью договориться). К слову сказать, человек этот с подпольной кличкой «Адмирал» сделал мне очень много добряков в плане сбора материала для публикаций.

Итак, само ТО, добрались... Приехали мы, значит, на базу, а у меня было представление такое: скинем двигатель в воду, запустим, сфотографируют лодку, и уедем (мы ж договорились). Инспектор говорит: «Спускайте на воду, вешайте двигатель, подходите вон к тому причалу, померяем выхлоп на СО₂, осмотрим судно, угол перекладки руля и т. п. (оказывается, их еще фотофиксацию делать обязали)».

Отвожу в сторону «Адмирала» – это говорю, что за чудь?

– Жень, я договорился, чтобы нас приняли без очереди, а что ты хотел?

И началось... Водитель говорит, что он не может подъехать к берегу, чтобы скинуть лодку на воду (я уже молчу, что ни забродов, ни жилетов, ни теплой одежды с собой не взяли). Начинаем уговаривать. Он – нет и все, ну, сделал робкую попытку, вспахал там песок и все на этом. И, что характерно, всем все равно...

Подхожу к ГИМСу:

– Может, хоть подскажите, где лодку скинуть сможем, а мы уже с воды до вас «добежим»?

– В ковше (мини-порт в с. Охотское примерно 4 км по воде от точки прохождения ТО).

То есть мы «скидываемся» в ковше, полностью «вчехляемся», выходим в море, заходим в протоку, выходим в озеро и идем до спасательной станции... Все хорошо, но туда еще нужно попасть – на территорию этого порта.

«Адмирал», скрипя зубами в прямом смысле, набирает номер (с этим человеком у него, мягко говоря, недружественные отношения) и договаривается о въезде на территорию. Проезжаем протоку, и тут я увидел меляк на входе в протоку и категорически отказался садиться за штурвал лодки. То есть 50/50: можно проскочить, а можно на нем и остаться. «Адмирал», я понимаю, – морской волк, да и у Д. опыта полно,

хотя тут, скорее, азарт. Как в теории это делается: разгоняешь лодку до предела, по фарватеру и проходишь меляк ходом, но тут гидравлика... Тут нужно пояснить: подвесные двухтактные моторы ставят на режим, в котором движка просто откидывается при наезде на препятствие. А тут ты нажимаешь кнопочку и двигатель неторопливо поднимается (нужно совместить инерцию движения лодки и скорость подъема мотора). Морская лодка не для таких задач. В общем, испугался я. Выходят. Сидим, ждем, переживаем...

И не зря. Звонок:

– Жек, мы заглохли в 1–1,5 км от станции. Есть мысли, что может быть?

– Ну, как в анекдоте. Фары протирал? Колесо пинал? Тогда не знаю. Докладываю старшему в контору (а батарейки еще как назло 15%).
Звонок:

– Разобрались (вот не зря Д. просил с собой), предохранитель сгорел, сделали «жучка», идут, но другая беда – на обратный путь бензина не хватит.

– Вы как собирались-то????!! Звоню, докладываю в контору.

– Сейчас отправлю машину с топливом.

– Подожди, сейчас обмозгуем. Возвращаюсь к кран-балке.

– Мужики, какие мысли? Давайте до них доедем, заберем бак, на заправку и потом обратно к ним – и быстрее, и проще.

Все «за», да и пожрать бы уже (магазин по дороге)... Написал бы покушать, но именно пожрать, с 06:30 на ногах. Перекусили, привезли топливо, и тут до меня доходит, а если опять движок откажет, а если не в озере, а в море. Там даже якоря нет.

Нет! Лодку нужно вытаскивать тут! Пусть кран-балка ее не возьмет с воды, но тут такой замечательный КамАЗ МЧС. Вышел парень, я к нему:

– Твой КамАЗ?

– Мой.

– Слушай, тут такое дело, нам бы лодку на берег вытащить, дерни, пожалуйста.

– Ты что??? Это согласовывать нужно.

– С кем согласовывать?

– С начальником. Он в городе.

– Кто у вас сейчас?

– Такой-то.

– И тут я психанул (я очень не люблю просить, но это был предел).

С начальником, говоришь? Хорошо – «звонок другу».

– Пап, извини, что разбудил, мне помощь нужна.

Никто из присутствующих на улице разговаривать с ним не захотел.

– Дежурного мне!

Выходит дежурный с заспанными глазами, с трудом соображающий, что происходит.

- Представься по форме!
- Дежурный по объекту...
- Помоги сыну, сделай все, что он просит.
- Ну, смотря, что он просит.
- Я тебе сказал, помоги.
- Хорошо, я попробую.

Разговор окончен (ну, они там о своем, конечно, поговорили, потому как знакомы оказались).

- Что вы хотите (на «вы», главное)?
- Нам нужно вашей машиной достать нашу лодку из воды.
- Тьфу ты, я-то думал, сейчас все сделаем.

И действительно, как только он вышел на улицу (есть фраза «что-то пошло не так», так вот, все пошло так!), все задвигались, убрали какого-то бедолагу с места прохождения ТО:

- Я же записан!
- Подождешь!

И все толпой занимались тем, что помогали нам вытащить лодку. Мне, конечно, очень неловко, что пришлось подключать родителя, но это было единственно нормальное решение.

P. S.: А винт Д. все же попортил на меляке, за что еще выслушает много шуток в свой адрес, хотя он молодец! Я бы не пошел, и если бы еще отказался «Адмирал», все было бы зря. Но так или иначе, задача выполнена! Вот такой вот рабочий день, когда думаешь, я вроде как должен сидеть в кибинете и писать вумные научные статьи.

БИБЛИОТЕКА

В 2008 году, когда я познакомился с другом С., мне посчастливилось «разграбить», в смысле вывозить вагонами, ну, то есть подарили мне, ПОДАРИЛИ много-много книг, и ниоткуда-то, а из альма-матер ГЕЛАН. Понятно, что все не увезешь, да и совесть нужно иметь. И шли 20-киллограмовые посылки (максимальный возможный вес) в направлении Москва – Южно-Сахалинск. Был составлен список всех книг, оттисков, фотоцифрокопий. И не задумываясь мог сказать, что у меня в библиотеке есть более 300 книг (статей). Теперь во время века нанотехнологий (шутил недавно с коллегой, что на фоне того ритма и всяких там квантовых компов с ИИ можно выехать на годик-другой в деревню и в обратный мир уже не вернуться) все есть в доступе.

Вот верно все же один ИИ изрек, что товаром в XXI веке будет информация – точнее, доступ к ней. Нет такой книги, которую бы не оцифровали (почти), и теперь все в свободном доступе, но мне кажется, что это пока (многое уже продают). Не важно, что ты изучаешь или делаешь вид, будь то кишечные паразиты ставрикозавра или органолептические свойства гигантской морской черепахи, – первоисточник твое все. И вот понадобилась книга, которая уже вошла в раздел редких и, по данным Интернета, даже оцифрована. И вроде купить можно, но это неточно (робкие попытки приводят к каким-то серым схемам).

Произведение это написано Эдуардом Максимилиановичем в 1930 году. И любой уважающий себя ихтиопаразитолог Дальнего Востока как минимум держал ее в руках. Но вот беда, нет у меня экземпляра – ни электронного, ни бумажного, ни даже газообразного. Память услужливо рисует картинки паразитов в стиле полутеней 30-х годов, они зацепили, они необычные, малоинформативные, но такие красивые. В руках держал, а где брал??? В моих списках не значится, начинаю вспоминать, что в «ТИНРО». Отчетливо помню регулярные заходы в нашу библиотеку и точно помню перечисления: Ляйман 1924, 1936, ... 1930 – нет у нас такого (и так было много раз).

Но!.. Библиотеку нашу научную возглавила *Скакун Аллина Ивановна* (ФИО приводится с согласия самого главного специалиста отдела администрации «СахНИРО» А. И. Скакун). При ней стали обнаруживаться книги, которых раньше не было! Не в первый раз уже сталкиваюсь с явлением полтергейста, с которым активно она и воюет. Он (полтергейст) те книги прятал и накладывал заклятие невидимости, но не тут-то было – находятся, да еще как! С кислой миной, но робкой надеждой на успех спускаюсь (эту книгу я спрашивал в нашей библиотеке много раз). Тот же монолог: «Ляйман 1924, 1936, ... Нет, 1930... Но, подождите, может быть, оттиск». Уходит за стеллажи, наверняка, читает заклинание и... выходит с нужной мне книгой – ну, не волшебство ли?!

ВНИМАНИЕ! ИЛИ С 23 ФЕВРАЛЯ

Спросил я как-то у коллег.
– Девчат, что на Восьмое марта организовать?
– Жень, – внимание!..

Никогда не считал 23 февраля своим праздником. День рыбака или День науки уж куда ближе. И так, начало рабочего дня. Я еще проспал немного. Нет, на работу к 09:00. Проспал, это называется, не в 08:30, как обычно (рабочий день начинается в девять – просто привычка), а к конторе я подходил примерно без десяти девять. Подхожу я, значит, к крыльцу (а по дороге еще шел и думал – вот на Восьмое Марта стоит группа специально обученных товарищей в холле и дарит девчатам по цветочку. Просто мысли) и гляжу в холле какой-то очень красный фон и большой такой, главное. А я утром ну очень туго просыпаюсь, потому, кстати, и пораньше на работу. Прохожу турникет и упираюсь в группу коллег все в красном. В юбочках, платьишках, брючных костюмчиках – красота! Тут нужно признать, что сработал еще и красный цвет. Как-то на Восьмое марта, во времена завлабства, решили отметить этот праздник примерно так же.

*«Командир», ё-мое, женского подразделения.
Был такой период, когда я один остался*

Кавычки в подписи к фотографии потому, что когда все работает и без тебя – командир не нужен.

Продолжение того же дня

И вот в холле первого этажа на три-четыре вручают банку пива и хором кричат «ПОЗДРАВЛЯЕМ!», а потом, абсолютно ошавшего от происходящего, еще пока сонного, ставят в центр для фотографии. Молодцы девчата, настроение на весь день – точно. Спасибо!

22 февраля 2023 года

ОТЧЕТНЫЕ СЕССИИ «СахНИРО»

**Стоит дважды сделать что-то добровольно,
на третий раз от тебя будут этого ожидать,
а на четвертый – требовать.**

Эпиграф больше подходит к многочисленным экспедициям на своем транспорте, и хорошо если в ноль по деньгам. Хотя, как мне сказали, это же инвестиции в себя. Ну, что ж, поглядим. А пока с того доклада, когда я впервые его рассказывал, подглядывая в бумажку, наблюдается экспонента, и чем удивлять в следующий раз – пока даже мыслей нет.

То, что пишу я сейчас, вряд ли когда будет опубликовано, если только в книге воспоминаний. Опять же, если опусов наберется достаточно. Итак, отчетная сессия «СахНИРО» – это такое ежегодное «шоу», некая ярмарка тщеславия. Конечно, никто так не скажет, но многие так думают. Под вывеской «Итоги работы за год», или «Годовой научный отчет», кроется некий накал страстей, особенно после того, как ввели традицию денежного поощрения за лучший доклад. За что, кстати, огромное спасибо администрации. Не за деньги, но за стимул для очень многих докладчиков.

В былые времена, лет так 20 назад, после отчетной сессии выходили за трибуну достойные люди или просто желающие и говорили, какой доклад понравился, а какой нет. И если тебя хвалили хотя бы раз, а если еще и директор, можно было смело идти за шампанским и накрывать в лабе стол, ибо удалось.

Традиция эта жива и по сей день, но к ней теперь, как я уже говорил, добавились денежные призы. Ну, как тут не вспомнить диалог из киношедевра СССР «Спортлото-82»:

– Ну, зачем этой девчонке двадцать тысяч?!

– Ну, не скажите, деньги они никогда никому не мешают!

Так вот, если раньше работали за идею, то теперь к идее добавился конкретный стимул. И это решение нужно признать простым и очень изящным. И в подтверждение тому, как сказал в своем выступлении В. С., – это повышение наукоемкости докладов. Я стараюсь выходить за трибуну только если мне действительно есть что рассказать, в противном случае – отнекиваюсь всеми возможными способами. Не люблю я, как и все, наверное, докладывать не свой материал. И с темой определяюсь минимум за год-полтора. И, конечно, стараюсь держать в секрете и доклад, и презентацию даже от своего начальства. К слову сказать, нужно выразить признательность руководству за доверие и отсутствие репетиций в лаборатории, во всяком случае, моих. Отчетная сессия вообще у меня ассоциируется с песней Владимира Семеновича «На дистанции – четверка первачей». Примерно за несколько дней в

кабинет зашла А. В. и сказала, что традиционно будут денежные призы и ставки повышены.

– Да, я уже смотрел перечень докладов и должен признать, что почти все они очень сильные, хорошо, если в тройку залезем. Тут уже все от подачи зависит.

Личное первенство – это одно, но ты же представитель лаборатории, а, стало быть, это не только тебе похвала, но и лаборатории. Настал час икс, и... началось.

День первый.

Давать характеристику каждому докладу будет нудно, неинтересно, да и не нужно. Хотя вся программа докладов у меня исчеркана пометками. Следует только сказать, что докладчики, которые частенько были слабыми или нудными, оказались на высоте. Вступительное слово директора немного напрягло:

– Доклад ровно 15 минут, я буду останавливать докладчика.

Но у меня есть плюс – мой доклад самый последний, и во второй день. Это означает, что если я смогу «удержать аудиторию» пять минут, мне простят. На «прогоне» я никак не могу уложиться ровно в 15 минут, если рассказывать, то ровно 20 минут, если читать (что уже неприемлемо), то 15 минут. А оборванный доклад априори не может стать лучшим. Из минусов последнего доклада – тот факт, что все уже устанут. И мысль будет только одна – скорее бы все закончилось. Это троечникам хорошо экзамен в конце сдавать, по понятным причинам.

День пролетел, как мгновенье, и к вечеру образовалось три доклада с претензией на лучший. Можно было выделить еще один, но докладчик выбрал нечто среднее между чтением с листа и рассказом, в результате пропустил пару слайдов, разволновался, и подача материала была смазана. Хотя по наполнению все было шикарно. И так, уже есть три отличных доклада, а впереди их еще пять, причем, зная докладчиков, все они могут «выстрелить». А уж посыл В. С., выданный своим подопечным о том, чтобы они рассказывали, а не читали, мягко говоря, шансы мои существенно снижает.

День второй.

Первый доклад перебирает по времени, и директор его прерывает. Внутри что-то ухнуло: так, минус один. И ведь, как говорится, сто к одному, что претенденты на призовые места подумали так же – все, как один. Второй доклад – все идеально, как всегда у этого докладчика. О. Н. молодец! подача материала, владение им, ответы на вопросы, все супер! Это однозначно призовое место. Следующий доклад стандартен, он красив, хорош, интересен, доложен на уровне, но он типовой, плюс пара незначительных помарок, все хорошо, но не лучший.

Ну, и, собственно, интрига дня – доклад, за которым стоит В. С. Докладчик пишет кандидатскую, молодой, энергичный, многообещающий, курирующий работу в части хоздоговоров. В общем, вполне себе может. Но, нет. Подводит техника, доклад прерван, спасти его могут только чудо и субъективное отношение комиссии.

Один из слушателей не сдержался, обращаясь к докладчику:

– Да, Е. С., где-то ты нагрешил, и очень сильно.

Реплику поддержали в зале:

– Да, вредный потому что.

– Так за деньгами же.

Вот в этот раз почему-то не ухнуло, не пронеслась мысль – минус один (хотя все основания к этому были, все же личные отношения решают все). Весь день атмосферу пронизывало напряжение, это очень сильно ощущалось. Вдобавок во время предпоследнего доклада Ж. Р. уже раздала членам комиссии листовки для голосования. И один из той комиссии уже поставил галочку в нужном месте, а ведь я еще не выступал. Не скажу, что сильно подкосило, но было неприятно, когда твой доклад еще не выслушали, а решение уже приняли. Шептание с соседних мест придало оптимизма.

– Ну, все, вроде закончилось.

– Подожди, тут еще последний может стать первым.

– Следующий доклад, пожалуйста.

Несмотря на все репетиции, когда ты рассказываешь, не сможешь повторить то, что репетировал слово в слово. Не говоря уже о том, что доклад я начал не с приветствия, а со слов в микрофон на весь зал.

– Блин, шпаргалку забыл – ну, ладно, будем без нее.

Дальнейшее я помню не очень отчетливо, потому что очень быстро вошел в раж. Не знаю, как это было со стороны, по мне так доклад просто пролетел. Вопросы были, но вопреки моим заготовкам (после окончания презентации и слайда с благодарностями были заготовлены еще штук 15 слайдов для ответов на потенциальные вопросы – не пригодился ни один). Все, что смог, сделал, дальше – рассчитывать только на объективность комиссии, осознавая, что один голос из шести уже «против».

Подведение...

На первое место, если честно, я никак не рассчитывал. По моему разумению, были куда более сильные доклады, а потом до меня дошло, что доклады докторов наук в этом году исключили из конкурса. Не знаю, насколько моя награда заслуженна, но это приятно!

Закончить я хочу фотографией, чтобы у вас осталась улыбка на лице.

ЗАРПЛАТА

**Не нужно мне никаких ваших удобств,
просто отдайте мои деньги (с)**

Вспомнился день зарплаты. Люди не любят перемен в большинстве своем. Особенно тех перемен, которые связаны с их деньгами. День зарплаты в «СахНИРО», как минимум его вторая половина, был по понятным причинам нерабочий. Занималась очередь в кассу, собирались люди, общались в очереди, это был ритуал, традиция, занимали очередь на свое подразделение. Как и в любой очереди, иногда возникала фраза «вас тут не стояло». Любой сотрудник мог на законных основаниях стоять в этой очереди, «чесать язык». Обмен новостями, обсуждение. Затем открывалось заветное окно, ведомость, автограф, и вот ведь чудо – каждый знал, сколько он получит и какая зарплата у коллеги в лаборатории (не берусь судить, хорошо это или плохо, но так было).

Все изменилось в один момент. Но сколько было шума и скандалов в связи с принуждением перейти на зарплатные карты, даже несмотря на аргументы, что деньги нужно получить в банке, это время работника бухгалтерии, это оплата вооруженной охраны, которая доставит те деньги из банка в контору. Наличность нужно подготовить, ведь не было зарплаты ровно 100 рублей, всегда какие-то рубли и копейки. Но нет, даже под всевозможными угрозами администрации некоторые сотрудники еще долгое время получали зарплату наличными в кассе.

Но все течет, все меняется, традиция зарплатного дня ушла в небытие. И теперь только циничное сообщение телефона информирует о том, что в недрах цифрового пространства появилось нечто, пока что неосвязаемое. И можно идти в магазин, чтобы трансформировать это нечто невидимое во вполне осязаемое.

МАТЕМАТИКАМ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Знакомство с этим «тайным орденом» приходится на период работы с 486-м компом – были такие машины, главной неприятностью которых был монитор. Если тот же графический редактор (целый фотопшоп) худо-бедно был установлен, и он даже работал, то монитор... Это страшная сказка тех времен. Невозможно забыть чувство ухудшения зрения к окончанию рабочего дня. Да, существовали защитные экраны, но до сих пор в мозгу цифра (частота обновления экрана), к которой нужно было стремиться в настройках. И хотя современные источники утверждают, что «...в мониторах того времени уже была защита от тормозного рентгеновского излучения (например, стекло легировали свинцом, а блоки строчной развертки имели защиту от высокого напряжения)...», с собственным ощущением спорить было нелепо. И, обязательно кактус – кактус рядом с монитором, он всегда полезен.

Так вот, в те, уже далекие времена, был у нас в институте «тайный орден» – математики. Это была особая группа, даже не группа, каста, сродни Брахманам в Индии. Но, наверное, нужно сказать, почему именно математики? А Бог его знает, почему. Рискну предположить, что название группы обусловлено наличием в той плеяде «магистров тайных знаний» людей, способных понимать суть формул, программировать и вообще решать любые задачи, не ограничиваясь переустановкой ОС. Значимость «ордена» была безоговорочно признана коллегами. Члены его выступали на отчетных сессиях «СахНИРО»! Им посвящали стихи!

*Группа сетевого обеспечения
Взяла нас всех на попечение.
Своей всех Сетью окружила
И с гордостью нам доложила,
Что бухгалтерия Сеть видит,
Глаза тараща в монитор.
Но Сеть главбуха же увидит,
Никак не может до сих пор!
Атаки внешние отбиты!!!
Они лавиной шли на нас.
Все вирусы, друзья, разбиты,
А программисты – просто «класс»!*

З. К. Шкурина

(Честно, «украдено» из книги «Подарите нам море», с. 153).

Что там коллеги! Новый директор «СахНИРО» даже пригласил на должность «главного математика» Ярослава И. из самой Первопрестольной, окружив его всяческими благами.

Так кто же были эти люди, познавшие истины компьютерных миров?

– Редкостные эпикурейцы!

Да-да, именно «...безразличными к происходящему в мире смертных...». Возможно, то было мое субъективное, юное восприятие действительности. Но сводилось все к следующему. Рубкое описание любой проблемы с надеждой в глазах.

– Да, сделаем! (не отрываясь от компьютерной игры процесса отражения хакерских атак).

После этого, с чувством их выполненного долга, о просьбе можно было забыть.

Но если ты был принят, «посвящен», то гостеприимные двери компьютерного мира для тебя были открыты всегда. К слову, «посвящения» тогда проводились во многих кабинетах по пятницам (сейчас эта традиция изжила себя), ритуалы и напитки были разные, но суть всегда была одна. Повышение духовного единства коллектива! Над сплочением и «чувством локтя» работали и с помощью передовых технологий, как, например, симулятора ИЛ-2. Но одного «посвящения» было недостаточно. Для принятия нужно было не только проходить регулярный ритуал очищения, но и владеть тайной грамотой. А вот с этим было сложнее. Но кто хотел, тот справился. И вот тут очень хочется перейти к словам благодарности. Да, именно благодарности!

Большое спасибо вам, господа математики! В моих словах нет ни капли иронии. Именно с вашей подачи мы стали заниматься самообразованием и, пусть сначала криво, но научились переустанавливать тогда еще 95-ю винду. Мы узнали много нового: DOS, BIOS, установка ОС, драйверов. Немыслимость существования без Total Commander и многое-многое другое. Чистка реестра, RegClean... Но для некоторых все вышеназванное так и осталось древними заклинаниями.

Безусловно, ключевые вопросы работоспособности компов и сети в конторе решались, но для вас это была рутина. Как говорится, «хуже керосину». Каких только официальных названий не имела эта группа, а старожилы так и зовут их до сих пор *математики*.

АКВАРИУМАЛЬНАЯ

«Вы, главное, работайте, а я вам потом премию выпишу – большую»

В начале 2000-х годов в институте было много дополнительных помещений, вплоть до того, что была своя гостиница. Стоит ли говорить, что в ту эпоху правления одним из директоров было торжественно заявлено, что жильем обеспечены все. Беспроцентные ссуды для сотрудников, коллективный договор, по которому, на секундочку, добавлялся один процент к зарплате за каждый год выслуги. Да в общем-то самой яркой характеристикой тех времен будет фраза Людмилы Владимировны.

– На работу, Женя, тебя в СахТИНРО не возьмут, но диплом написать помогут. Наступила эпоха перемен, и стало грустно, в том числе и от того, что возникло такое явление, как задержка зарплаты. Возникла необходимость как-то на чем-то зарабатывать. Был у меня и другой источник дохода. Проснуться в шесть утра, накидать лопатой тонну песочка, разгрузить его и получить свою 1 000 рублей. А в 09:00 – уже в конторе.

Как сказал однажды Владимир Дмитриевич Гуляев, проходя мимо конторы и заглянув в кузов грузовичка:

– Женя, я вижу, ты сегодня делал бизнес.

И вот в те времена, как это часто и бывает, нашелся очень предприимчивый человек, который решил заработать. Идея проста: есть в подвале помещение, которое спроектировано под аквариальную (аквариумальной или аквариумочной она станет позже). И вот чего удумал тот господин хороший. Взять в аренду помещение, все наладить, запустить аквариумы и заниматься передержкой всяких там устриц и гребешков перед подачей в рестораны Москвы в наисвежайшем что ни на есть виде. Шикарно? Да, красота! В то время даже ходили слухи о сдаче кабинетов в аренду. Но сначала в том помещении нужно, мягко говоря, убраться. Вот и предложили нам с другом подработать.

Обычно когда кто-то кого-то нанимает, обговариваются условия работы. Но только не в этот раз и не с этим человеком. Совершенно незаметно для себя мы поняли, что падем уже в полный рост, и впечатление такое, что «в удовольствие и бесплатно». То есть вместо того, чтобы грызть гранит науки, мы перешли в разряд подсобных рабочих широкого профиля. Убрать мусор, все побелить, покрасить. В перспективе – запустить аквариумы и следить за ними. Это все мило, но хотелось бы, как говорится, знать сумму.

На вопрос «где деньги, Зин» нам было сказано:

– Вы главное работайте, а я вам потом премию выпишу – большую.

Через какое-то время, после выполнения еще некоторой работы, стало слишком очевидно, что денег не будет. А нам было сказано:

– Это мои деньги, я могу их сжечь или выбросить... Мне вас выдали, работайте.

То есть мы не получим ничего, даже «спасибо».

А акваРюмальной стало то помещение после чьей-то оговорки по Фрейду. После такой оговорки на следующий день из одного аквариума, при очень загадочных обстоятельствах, исчез большой камчатский краб... Но потом появились камеры наблюдения.

ИСТОРИЯ НЕОБЫЧНОЙ ПУБЛИКАЦИИ

Поэзия – та же добыча радия.
В грамм добыча, в год труды.
Изводишь единого слова ради,
тысячи тонн словесной руды.
В. В. Маяковский

Некоторые публикации выходят годами, ничего необычного в этом нет. Некоторым появиться на свет и вовсе не суждено. Но в этот раз получилось довольно интересно.

Возникла совершенно логичная мысль разобраться с некоторыми терминами. В процессе изучения темы для себя (на фоне «обновления» терминологии в литературе) сформировался короткий опус с разъяснениями, откуда что взялось, как развивалось, во что вылилось. Дал почитать моему другу-учителю-коллеге. Он полистал и сказал. Хм, а почему бы это не опубликовать на правах короткого сообщения-дискуссии. Нужно, конечно, расширить, углубить, доработать, заручиться поддержкой и других коллег. Так возникла идея публикации с названием *«О терминологической путанице при описании зараженности рыб паразитами»*. О, сколько раз я хотел забросить доработку этого короткого сообщения (всего пара страниц).

В декабре 2023 года рукопись отправлена в ведущий отечественный журнал икс (на названии журнала нецелесообразно акцентировать внимание). И уже в январе пришла пространная рецензия без существенных замечаний, но с отрицательным решением. Судя по тому, что рецензия была одна (из двух положенных), а также, принимая во внимание ее стиль, было примерно понятно, кто ее автор.

В январе 2024 года рукопись была отправлена в другой журнал, тоже профильный, уже в Москве, откуда быстро пришел ответ, что подобных работ у них много и они не хотят это публиковать.

Я бы, наверное, бросил эту затею, если бы не поддержка моего друга. Он утверждал, что все вполне прилично, и почему это они не хотят брать в печать – непонятно. Так, в феврале 2024 года рукопись «зашла» в редакцию Вестника СВНЦ ДВО РАН.

Но вот ведь незадача. Одним из рецензентов (предположительно) оказался все тот же академик из икс-журнала. Рецензент высказал ряд замечаний, в том числе и по существу (за что я ему искренне благодарен), а в завершение рекомендовал опубликовать рукопись в центральном издании, например, в журнале икс. **Иронично...** Сначала там завернуть, а потом туда же и направить. Был подготовлен ответ на замечания рецензенту, в котором, кроме прочего, высказывалось несогласие с ним. Но нужно отдать должное редакции журнала Вестник СВНЦ

ДВО РАН – редколлегия назначила еще одного рецензента. На Дальнем Востоке тоже есть Академики. Эта рукопись прошла красной нитью в 2024 году. Я возвращался к ней каждый месяц. В январе, феврале, марте, апреле, мае, июне – казалось, это не закончится никогда.

Приведу только лишь «кусочек» того, что осталось за кадром:

– Глубокоуважаемая редакция!

С рецензией номер 1 согласен полностью. Все замечания, сделанные рецензентом, будут учтены, изменения внесены в рукопись.

С рецензией номер 2 я не согласен.

В рецензии предлагается принципиально иной подход к такому значимому разделу любой публикации, как *материалы и методы*. Рецензент считает, что каждый термин должен быть описан в *материалах и методах*. Но зачем тогда терминология? Мы же не описываем каждый раз СИ. Ведь ни у кого не возникает вопроса, что такое миллиметр и его сокращение.

При всем уважении к рецензенту номер 2 хотелось бы ответить на замечания.

Далее на каждое замечание давался развернутый и аргументированный ответ.

В заключение хотелось бы поблагодарить рецензентов за проделанную работу.

С уважением, Евгений.

Рецензент номер один подошел к вопросу очень ответственно и не скупился на замечания, улучшающие рукопись. Дошли мы, правда, до формулировки «лучшее – враг хорошего» и пришли к относительно-му взаимопониманию. Хотя уже на финише работы была высказана мысль, что хорошо бы исправить название. Дескать, сказанное справедливо не только для паразитов рыб, но и для бегемотов, китов и аллигаторов, ~~ведь у них все, как у людей~~. Но такая постановка вопроса как бы намекала на необходимость еще больше **расширить и углубить** написанное.

Наконец, замечания перешли в плоскость литературной правки. И вот в июле пришло письмо уже от переводчика. Оно касалось не столько перевода, сколько представления необходимой литературы 1884 и 1890 гг. Что касается непосредственно перевода абстракта, он был выполнен, можно сказать, носителем языка.

– Илья (Илья Борисович), сделай, пожалуйста.

– Легко.

В заключение хочу поблагодарить редакцию журнала Вестник СВНЦ ДВО РАН – она в полной мере продемонстрировала, как должны развиваться события в случае несогласия автора и одного из рецензентов. Более того, журнал присылает авторский экземпляр, что в век цифровых технологий чрезвычайно приятно!

Окончательная и жирная точка в этом приключении поставлена 09.09.2024 года. Пришли гранки=публикация.

Фролов Е. В. О терминологической путанице при описании зараженности рыб паразитами // Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. – 2024. – № 3. – С. 38–42.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Все описанное выше было бы просто невозможно без моих родителей, и я хочу сказать «спасибо» за мое рождение, развитие, воспитание, сопереживание и поддержку во всех смыслах. НИЗКИЙ ИМ ПОКЛОН!

За «кулисами» осталось еще много адресных благодарностей, недописанных эпизодов – память обязательно подскажет забытые истории, и, несомненно, много интереснейших событий еще впереди. Надеюсь, эти короткие зарисовки были только «пробой пера». А пока меня ждет очень важный рывок, который волею судеб и так отложен почти на полгода...

Научно-популярное издание

Е. В. Фролов

25 лет в «СахНИРО»

Технический редактор, корректор *Е. Б. Захарова*.

Подписано в печать 18.04.2025. Формат 70×100/16. Усл. печ. л. 8.

Подготовлено к печати в Сахалинском филиале ГНЦ РФ
ФГБНУ «Всероссийский научно-исследовательский
институт рыбного хозяйства и океанографии».
Россия, г. Южно-Сахалинск, 693023, ул. Комсомольская, 196.